ПРОДОЛЖЕНИЕ

Андреевский, Николай Аркадьевич (1852 – 1880). «Валерий Марциал. Культурно-биографический очерк из эпохи Домициана». Магистерская диссертация. - Харьков, 1880. – 134 с. Факсимиле оригинала и текст. Электронное издание в четырёх частях, с приложением краткой биографии Н.А.Андреевского и его портретом. Харьков, 2010

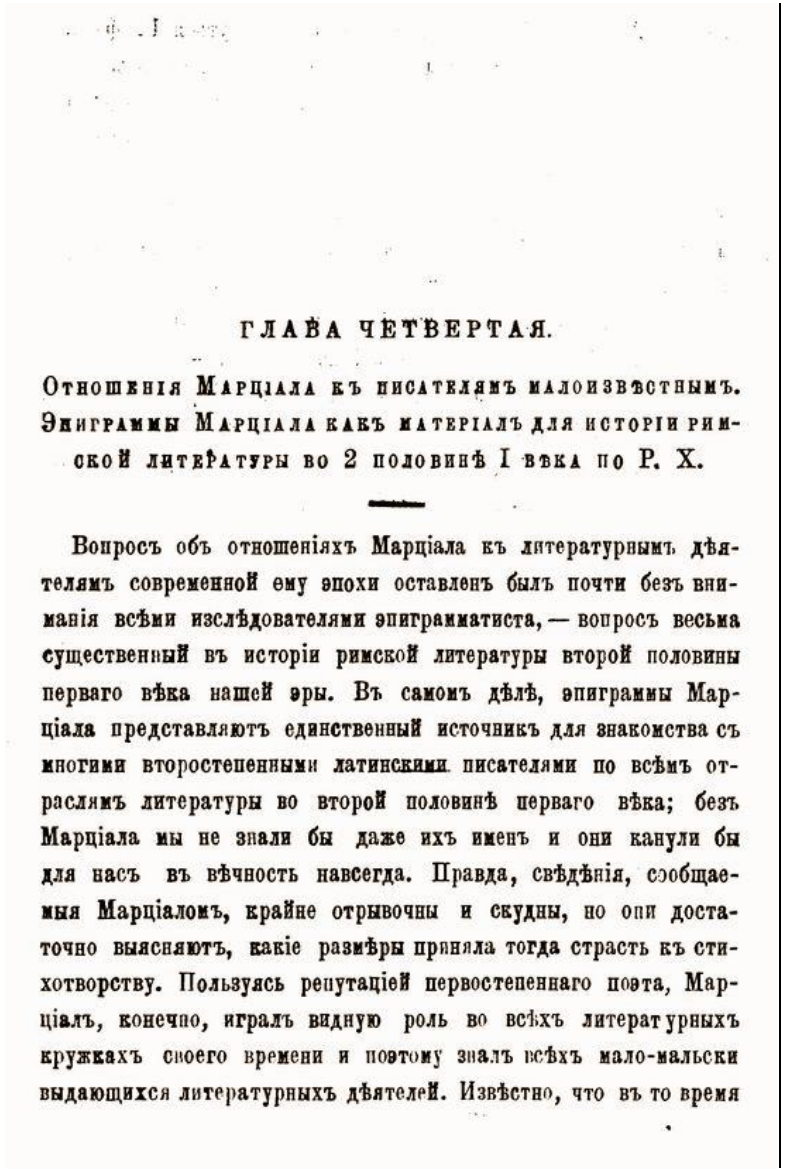
Титул, Оглавление, Введение и Глава I –
http://www.zamartialom.narod.ru/andreevsky/ch0_ch1.pdf

Главы II и III –
http://www.zamartialom.narod.ru/andreevsky/ch2_ch3.pdf

Главы с IV по VI –
http://www.zamartialom.narod.ru/andreevsky/ch4_ch6.pdf

Глава VII и приложения, биография и портрет Н.Андреевского
http://www.zamartialom.narod.ru/andreevsky/ch7_app.pdf

Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

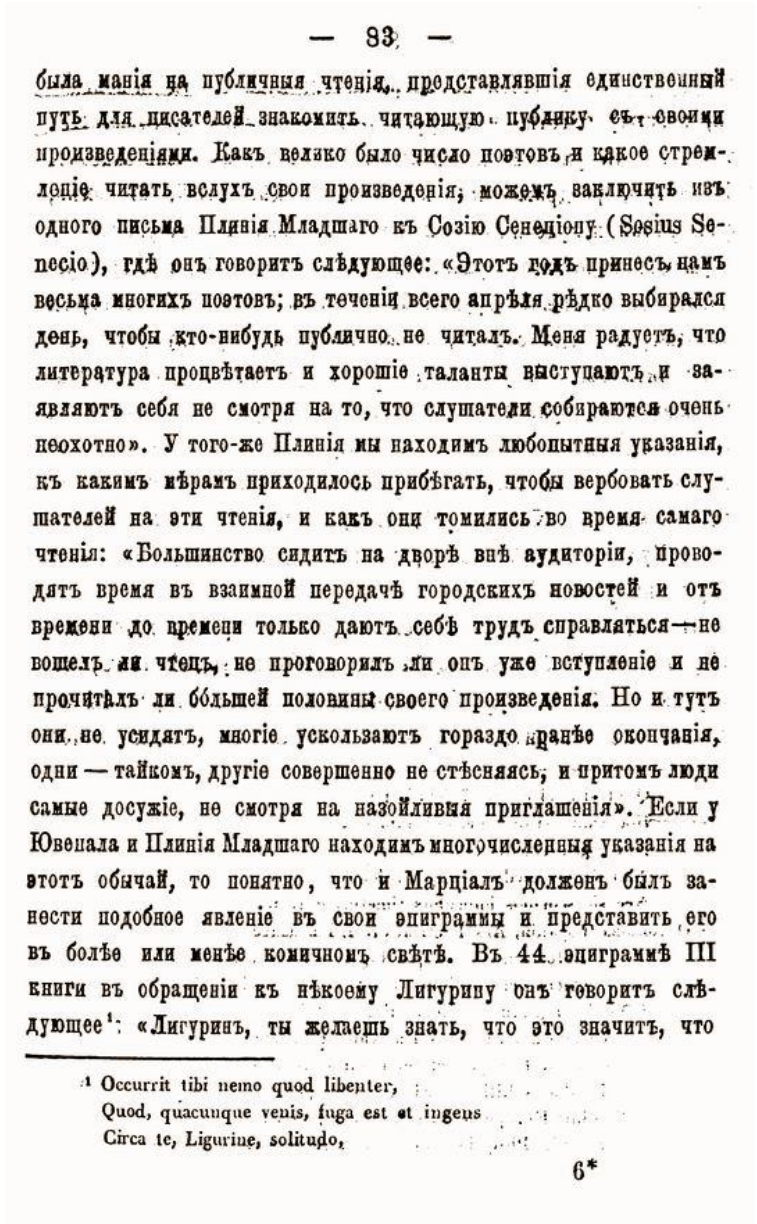
Отношенія Марціала къ писателямъ малоизвѣстнымъ. Эпиграммы Марціала какъ матеріалъ для исторіи римской литературы во 2 половинѣ I вѣка по Р. Х.

Вопросъ объ отношеніяхъ Марціала къ литературнымъ дѣятелямъ современной ему эпохи оставленъ былъ почти безъ вниманія всѣми изслѣдователями эпиграмматиста, — вопросъ весьма существенный въ исторіи римской литературы второй половины перваго вѣка нашей эры. Въ самомъ дѣлѣ, эпиграммы Марціала представляютъ единственный источникъ для знакомства съ многими второстепенными латинскими писателями по всѣмъ отраслямъ литературы во второй половинѣ перваго вѣка; безъ Марціала мы не знали бы даже ихъ именъ и они канули бы для насъ въ вѣчность навсегда. Правда, свѣдѣнія, сообщаемыя Марціаломъ, крайне отрывочны и скудны, но они достаточно выясняютъ, какіе размѣры приняла тогда страсть къ стихотворству. Пользуясь репутаціей первостепеннаго поэта, Марціалъ, конечно, игралъ видную роль во всѣхъ литературныхъ кружкахъ своего времени и поэтому зналъ всѣхъ мало-мальски выдающихся литературныхъ дѣятелей. Извѣстно, что въ то время

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

Отношения Марциала к писателям малоизвестным. Эпиграммы Марциала как материал для истории римской литературы во 2 половине I века по Р.Х.

Вопрос об отношениях Марциала к литературным деятелям современной ему эпохи оставлен был почти без внимания всеми исследователями эпиграмматиста, – вопрос весьма существенный в истории римской литературы второй половины первого века нашей эры. В самом деле, эпиграммы Марциала представляют единственный источник для знакомства с многими второстепенными латинскими писателями по всем отраслям литературы во второй половине первого века; без Марциала мы не знали бы даже их имен и они канули бы для нас в вечность навсегда. Правда, сведения, сообщаемые Марциалом, крайне отрывочны и скудны, но они достаточно выясняют, какие размеры приняла тогда страсть к стихотворству. Пользуясь репутацией первостепенного поэта, Марциал, конечно, играл видную роль во всех литературных кружках своего времени и поэтому знал всех мало-мальски выдающихся литературных деятелей. Известно, что в то время



— 83 —

была манія на публичныя чтенія, представлявшія единственный путь для писателей знакомить читающую публику съ своими произведеніями. Какъ велико было число поэтовъ и какое стремленіе читать вслухъ свои произведенія, можемъ заключить изъ одного письма Плинія Младшаго къ Созію Сенеціону (Sosius Senecio), гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: «Этотъ годъ принесъ намъ весьма многихъ поэтовъ; въ теченіи всего апрѣля рѣдко выбирался день, чтобы кто-нибудь публично не читалъ. Меня радуетъ, что литература процвѣтаетъ и хорошіе таланты выступаютъ и заявляютъ себя не смотря на то, что слушатели собираются очень неохотно». У того-же Плинія мы находимъ любопытныя указанія, къ какимъ мѣрамъ приходилось прибѣгать, чтобы вербовать слушателей на эти чтенія, и какъ они томились во время самаго чтенія: «Большинство сидитъ на дворѣ внѣ аудиторіи, проводятъ время въ взаимной передачѣ городскихъ новостей и отъ времени до времени только даютъ себѣ трудъ справляться — не вошелъ ли чтецъ, не проговорилъ ли онъ уже вступленіе и не прочиталъ ли бо́льшей половины своего произведенія. Но и тутъ они не усидятъ, многіе ускользаютъ гораздо ранѣе окончанія, одни — тайкомъ, другіе совершенно не стѣсняясь, и притомъ люди самые досужіе, не смотря на назойливыя приглашенія». Если у Ювенала и Плинія Младшаго находимъ многочисленныя указанія на этотъ обычай, то понятно, что и Марціалъ долженъ былъ занести подобное явленіе въ свои эпиграммы и представить его въ болѣе или менѣе комичномъ свѣтѣ. Въ 44 эпиграммѣ III книги въ обращеніи къ нѣкоему Лигурину онъ говоритъ слѣдующее[1]: «Лигуринъ, ты желаешь знать, что это значитъ, что

[1] Occurrit tibi nemo quod libenter,
Quod, quacunque venis, fuga est et ingens
Circa te, Ligurine, solitudo,

6*

[с.83] была мания на публичные чтения, представлявшие единственный путь для писателей знакомить читающую публику со своими произведениями. Как велико было число поэтов и какое стремление читать вслух свои произведения, можем заключить из одного письма Плиния Младшего к Созию Сенециону (Sosius Senecio), где он говорит следующее: «Этот год принёс нам весьма многих поэтов; в течении всего апреля редко выбирался день, чтобы кто-нибудь публично не читал. Меня радует, что литература процветает и хорошие таланты выступают и заявляют себя не смотря на то, что слушатели собираются очень неохотно». У того-же Плиния мы находим любопытные указания, к каким мерам приходилось прибегать, чтобы вербовать слушателей на эти чтения, и как они томились во время самого чтения: «Большинство сидит на дворе вне аудитории, проводят время во взаимной передаче городских новостей и от времени до времени только дают себе труд справляться – не вошёл ли чтец, не проговорил ли он уже вступление и не прочитал ли большей половины своего произведения. Но и тут они не усидят, многие ускользают гораздо ранее окончания, одни – тайком, другие совершенно не стесняясь, и притом люди самые досужие, не смотря на назойливые приглашения». Если у Ювенала и Плиния Младшего находим многочисленные указания на этот обычай, то понятно, что и Марциал должен был занести подобное явление в свои эпиграммы и представить его в более или менее комичном свете. В 44 эпиграмме III книги в обращении к некоему Лигурину он говорит следующее [1]: «Лигурин, ты желаешь знать, что это значит, что

[1] Occurrit tibi nemo quod libenter,
Quod, quacunque venis, fuga est et ingens
Circa te, Ligutine, solitudo.
Quid sit, scire cupis? Nimis poeta es.
Hoc valde vitium periculosum est.
Non tigris catulis citata raptis,
Non dipsas medio perusta sole,
Nec sic scorpios improbus timetur, и т.д.

никто охотно съ тобой не встрѣчается: куда бы ты ни появился, повсюду бѣгство и вокругъ тебя безбрежная пустыня? Потому что ты уже слишкомъ поэтъ. Этотъ порокъ очень опасенъ. Ни тигръ, раздраженный похищеніемъ дѣтенышей, ни змѣя, разогрѣтая полуденнымъ солнцемъ, ни хищный скорпіонъ не внушаютъ подобнаго страха. Ибо кто, спрошу тебя, можетъ переносить столь тяжкіе труды? И когда твой знакомый стоитъ, ты читаешь, и когда сидитъ, то-же самое, и бѣгущему даже все таки читаешь. Убѣгу ли я въ бани: турчишь надъ ухомъ. Направляюсь въ купальни — и поплавать не удается. Спѣшу къ обѣду; задерживаешь идущаго. Сажусь за столъ — обращаешь въ бѣгство сидящаго. Въ изнеможеніи засыпаю: поднимаешь на ноги лежащаго. Хочешь убѣдиться, сколько бѣдъ ты причиняешь? Будучи человѣкомъ справедливымъ, честнымъ, безъ вины внушаешь ужасъ»[1].

Не забылъ Марціалъ занести въ свои эпиграммы и то явленіе, что многіе бѣдняки добывали хлѣбъ насущный тѣмъ, что обрекали себя на слушаніе подобныхъ поэтовъ; такъ, въ 14 эп. II кн. онъ говоритъ слѣдующее:[2] «Селій не оставилъ ничего

Quid sit, scire cupis? Nimis poeta es.
Hoc valde vitium periculosum est.
Non tigris catulis citata raptis,
Non dipsas medio perusta sole,
Nec sic scorpios improbus timetur. и т. д.

[1] О томъ-же Гораціи, Ars Poëtica, ст. 474 и далѣе:
Indoctum doctumque fugat recitator acerbus
Quem vero arripuit, tenet, occiditque legendo. . . .

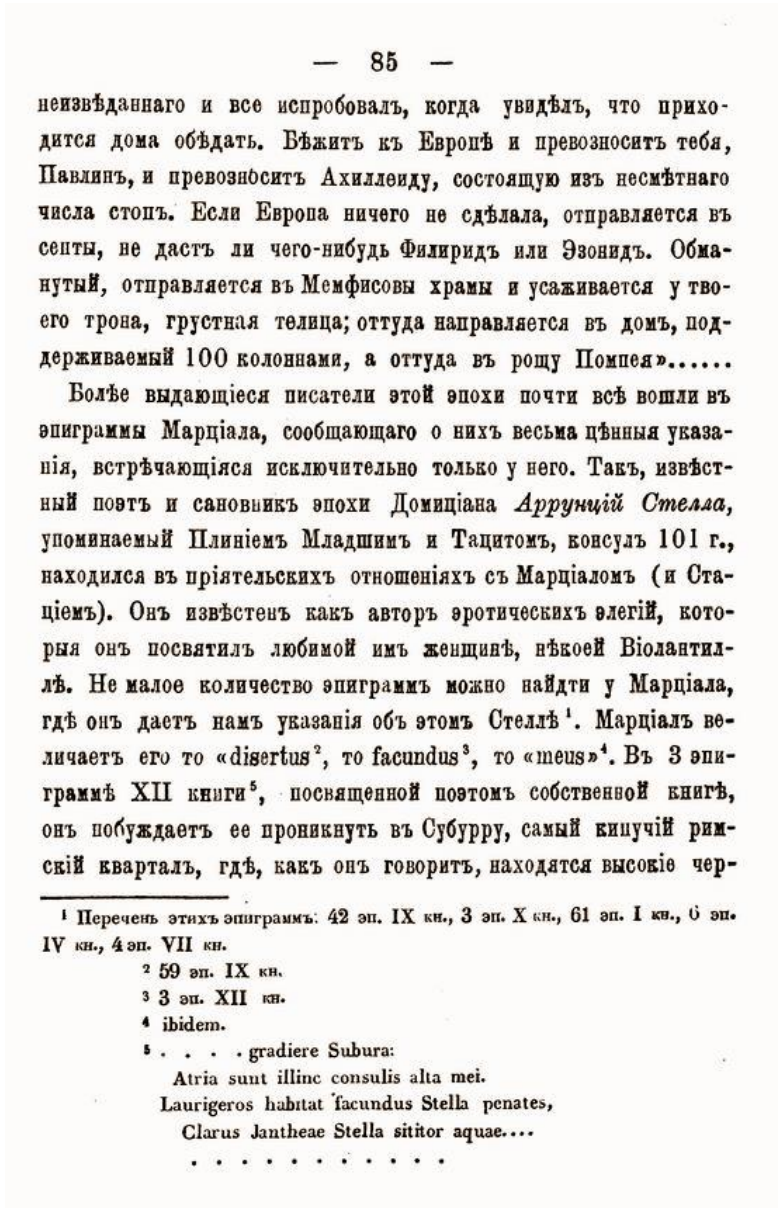
[2] Nil intemptatum Selius, nil linquit inausum,
Cenandum quotiens iam videt esse domi.
Currit ad Europen et te, Pauline, tuosque
Laudat Achilleos, sed sine fine, pedes.
Si nihil Europe fecit, tum Septa petuntur,
Si quid Philyrides praestet et Aesonides.

[с.84] никто с тобой не встречается: куда бы ты ни появился, повсюду бегство и вокруг тебя безбрежная пустыня? Потому что ты уже слишком поэт. Этот порок очень опасен. Ни тигр, раздражённый похищением детёнышей, ни змея, разогретая полуденным солнцем, ни хищный скорпион не внушают подобно страха. Ибо кто, спрошу тебя, может переносить столь тяжкие труды? И когда твой знакомый стоит, ты читаешь, и когда сидит, то-же самое, и бегущему даже все таки читаешь. Убегу ли я в бани: турчишь над ухом. Направлюсь в купальни – и поплавать не удаётся. Спешу к обеду; задерживаешь идущего. Сажусь за стол – обращаешь в бегство сидящего. В изнеможении засыпаю: поднимаешь на ноги лежащего. Хочешь убедиться сколько бед ты причинишь? Будучи человеком справедливым, честным, без вины внушаешь ужас»[1].

Не забыл Марциал занести в свои эпиграммы и то явление, что многие бедняки добывали хлеб насущный тем, что обрекали себя на слушание подобных поэтов; так, в 14 эп. II кн. он говорит следующее: [2] «Селий не оставил ничего

[1] О том-же Гораций, Ars Poetica, ст. 474 и далее:
Indoctum doctumque fugat recitator acerbus
Quem vero arripuit, tenet, occiditque legendo. . . .

[2] Nil intemptatum Selius, nil liquit inausum,
Cenandum quotiens iam videt esse domi.
Currit ad Europen et te, Pauline, tuosque
Laudat Achilleos, sed sine fine, pedes.
Si nihil Europe fecit, tum Septa petuntur,
Si quid Philyrides praestet et Aesonides.



— 85 —

неизвѣданнаго и все испробовалъ, когда увидѣлъ, что приходится дома обѣдать. Бѣжитъ къ Европѣ и превозноситъ тебя, Павлинъ, и превозноситъ Ахиллеиду, состоящую изъ несмѣтнаго числа стопъ. Если Европа ничего не сдѣлала, отправляется въ септы, не дастъ ли чего-нибудь Филиридъ или Эзонидъ. Обманутый, отправляется въ Мемфисовы храмы и усаживается у твоего трона, грустная телица; оттуда направляется въ домъ, поддерживаемый 100 колоннами, а оттуда въ рощу Помпея».....

Болѣе выдающіеся писатели этой эпохи почти всѣ вошли въ эпиграммы Марціала, сообщающаго о нихъ весьма цѣнныя указанія, встрѣчающіяся исключительно только у него. Такъ, извѣстный поэтъ и сановникъ эпохи Домиціана *Аррунцій Стелла*, упоминаемый Плиніемъ Младшимъ и Тацитомъ, консулъ 101 г., находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Марціаломъ (и Стаціемъ). Онъ извѣстенъ какъ авторъ эротическихъ элегій, которыя онъ посвятилъ любимой имъ женщинѣ, нѣкоей Віолантиллѣ. Не малое количество эпиграммъ можно найдти у Марціала, гдѣ онъ даетъ намъ указанія объ этомъ Стеллѣ [1]. Марціалъ величаетъ его то «disertus» [2], то facundus [3], то «meus» [4]. Въ 3 эпиграммѣ XII книги [5], посвященной поэтомъ собственной книгѣ, онъ побуждаетъ ее проникнуть въ Субурру, самый кипучій римскій кварталъ, гдѣ, какъ онъ говоритъ, находятся высокіе чер-

[1] Перечень этихъ эпиграммъ: 42 эп. IX кн., 3 эп. X кн., 61 эп. I кн., 6 эп. IV кн., 4 эп. VII кн.

[2] 59 эп. IX кн.

[3] 3 эп. XII кн.

[4] ibidem.

[5] . . . . gradiere Subura:
Atria sunt illinc consulis alta mei.
Laurigeros habitat facundus Stella penates,
Clarus Jantheae Stella sititor aquae....
. . . . . .

[с.85] неизведанного и всё испробовал, когда увидел, что приходится дома обедать. Бежит к Европе и превозносит тебя, Павлин, и превозносит Ахиллеиду, состоящую из несметного числа стоп. Если Европа ничего не сделала, отправляется в септы, не даст ли чего-нибудь Филирид или Эзонид. Обманутый, отправляется в Мемфисовы храмы и усаживается у твоего трона, грустная телица; оттуда направляется в дом, поддерживаемый 100 колоннами, а оттуда в рощу Помпея»……

Более выдающиеся писатели этой эпохи почти все вошли в эпиграммы Марциала, сообщающего о них весьма ценные указания, встречающиеся исключительно только у него. Так, известный поэт и сановник эпохи Домициана *Аррунций Стелла*, упоминаемый Плинием Младшим и Тацитом, консул 101 г., находился в приятельских отношениях с Марциалом (и Стацием). Он известен как автор эротических элегий, которые он посвятил любимой им женщине, некоей Виолантилле. Не малое количество эпиграмм можно найти у Марциала, где он даёт нам указания об этом Стелле [1]. Марциал величает его то «disertus» [2], то «facundus» [3], то «meus» [4]. В 3 эпиграмме XII книги [5], посвящённой поэтом собственной книге, он побуждает её проникнуть в Субурру, самый кипучий римский квартал, где, как он говорит, находятся высокие чертоги

[1] Перечень этих эпиграмм: 42 эп. IX кн., 3 эп. X кн., 61 эп. I кн., 6 эп. IV кн., 4 эп. VII кн.

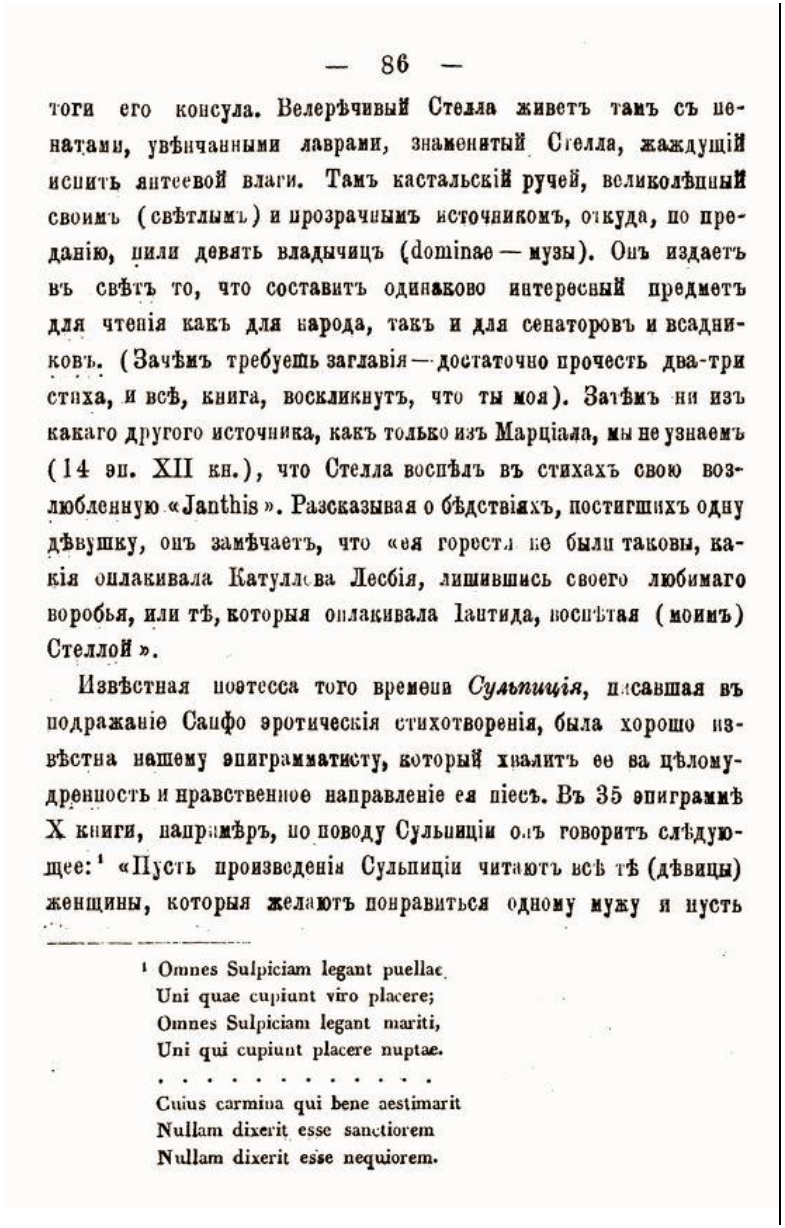
[2] 59 эп. IX кн.

[3] 3 эп. XII кн.

[4] ibidem.

[5] . . . . gradiere Subura:
Atria sunt illinc consulis alta mei.
Laurigeros habitat facundus Stella penates,
Clarus Jantheae Stella sititor aquae….
. . . . . .

Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010



— 86 —

тоги его консула. Велерѣчивый Стелла живетъ тамъ съ пенатами, увѣнчанными лаврами, знаменитый Стелла, жаждущій испить янтеевой влаги. Тамъ кастальскій ручей, великолѣпный своимъ (свѣтлымъ) и прозрачнымъ источникомъ, откуда, по преданію, пили девять владычицъ (dominae — музы). Онъ издаетъ въ свѣтъ то, что составитъ одинаково интересный предметъ для чтенія какъ для народа, такъ и для сенаторовъ и всадниковъ. (Зачѣмъ требуешь заглавія — достаточно прочесть два-три стиха, и всѣ, книга, воскликнутъ, что ты моя). Затѣмъ ни изъ какаго другого источника, какъ только изъ Марціала, мы не узнаемъ (14 эп. XII кн.), что Стелла воспѣлъ въ стихахъ свою возлюбленную «Janthis». Разсказывая о бѣдствіяхъ, постигшихъ одну дѣвушку, онъ замѣчаетъ, что «ея горести не были таковы, какія оплакивала Катуллова Лесбія, лишившись своего любимаго воробья, или тѣ, которыя оплакивала Іантида, воспѣтая (моимъ) Стеллой».

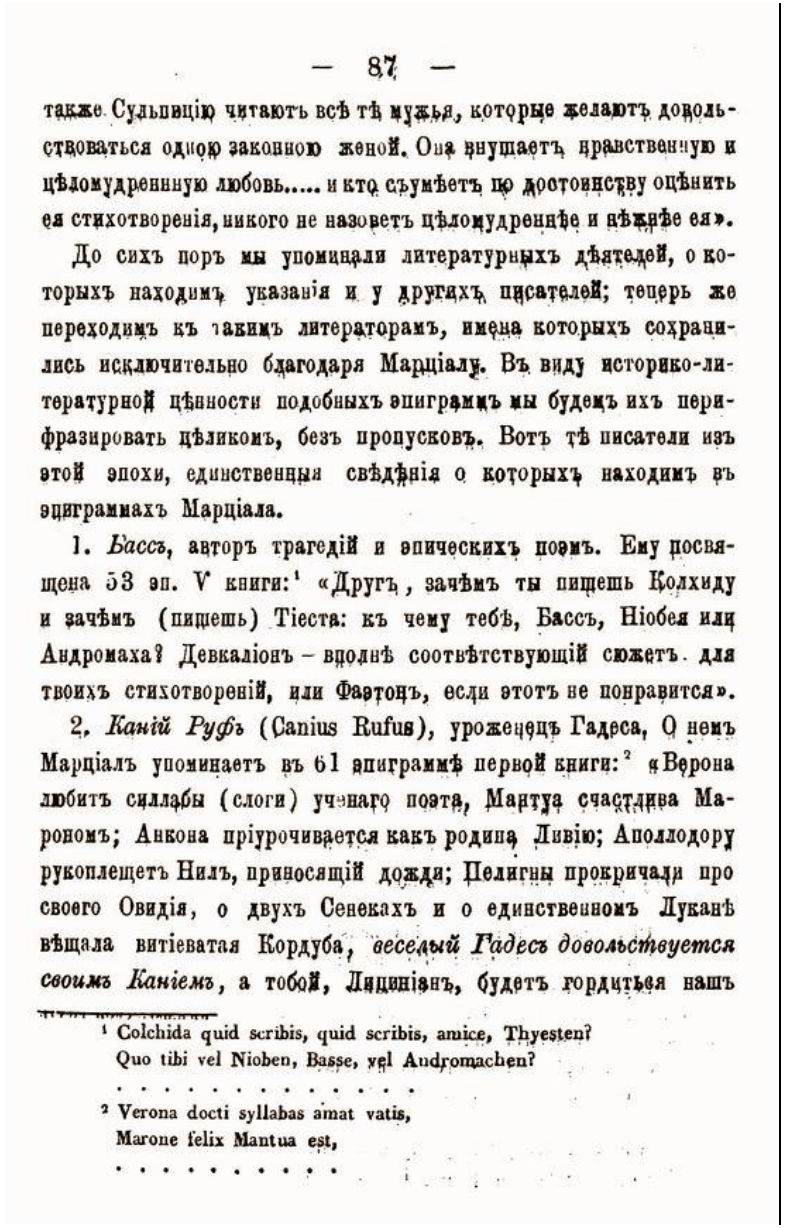
Извѣстная поэтесса того времени *Сульпиція*, писавшая въ подражаніе Сапфо эротическія стихотворенія, была хорошо извѣстна нашему эпиграмматисту, который хвалитъ ее за цѣломудренность и нравственное направленіе ея піесъ. Въ 35 эпиграммѣ X книги, напримѣръ, по поводу Сульпиціи онъ говоритъ слѣдующее:[1] «Пусть произведенія Сульпиціи читаютъ всѣ тѣ (дѣвицы) женщины, которыя желаютъ понравиться одному мужу и пусть

[1] Omnes Sulpiciam legant puellae
Uni quae cupiunt viro placere;
Omnes Sulpiciam legant mariti,
Uni qui cupiunt placere nuptae.
. . . . . .
Cuius carmina qui bene aestimarit
Nullam dixerit esse sanctiorem
Nullam dixerit esse nequiorem.

[с.86] его консула. Велеречивый Стелла живёт там с пенатами, увенчанными лаврами, знаменитый Стелла, жаждущий испить янтеевой влаги. Там кастальский ручей, великолепный своим (светлым) и прозрачным источником, откуда, по преданию, пили девять владычиц (dominae – музы). Он издаёт в свет то, что составит одинаково интересный предмет для чтения как для народа, так и для сенаторов и всадников. (Зачем требуешь заглавия – достаточно прочесть два-три стиха, и все, книга, воскликнут, что ты моя). Затем ни из какого другого источника, как только из Марциала, мы не узнаем (14 эп. XII кн.), что Стелла воспел в стихах свою возлюбленную «Janthis». Рассказывая о бедствиях, постигших одну девушку, он замечает, что «её горести не были таковы, какие оплакивала Катуллова Лесбия, лишившись своего любимого воробья, или те, которые оплакивала Иантида, воспетая (моим) Стеллой».

Известная поэтесса того времени Сульпиция, писавшая в подражание Сапфо эротические стихотворения, была хорошо известна нашему эпиграмматисту, который хвалит её за целомудренность и нравственное направление её пиес. В 35 эпиграмме X книги, например, по поводу Сульпиции он говорит следующее: [1] «Пусть произведения Сульпиции читают все те (девицы) женщины, которые желают понравиться одному мужу и пусть

[1] Omnes Sulpiciam legant puellae
Uni quae cupiunt viro placere;
Omnes Sulpiciam legant mariti,
Uni qui cupiunt placere nuptae.
. . . . . .
Cuius carmina qui bene aestimarit
Nullam dixerit esse sanctiorem
Nullam dixerit esse nequiorem.



— 87 —

также Сульпицію читаютъ всѣ тѣ мужья, которые желаютъ довольствоваться одною законною женой. Она внушаетъ нравственную и цѣломудренную любовь..... и кто съумѣетъ по достоинству оцѣнить ея стихотворенія, никого не назоветъ цѣломудреннѣе и нѣжнѣе ея».

До сихъ поръ мы упоминали литературныхъ дѣятелей, о которыхъ находимъ указанія и у другихъ писателей; теперь же переходимъ къ такимъ литераторамъ, имена которыхъ сохранились исключительно благодаря Марціалу. Въ виду историко-литературной цѣнности подобныхъ эпиграммъ мы будемъ ихъ перифразировать цѣликомъ, безъ пропусковъ. Вотъ тѣ писатели изъ этой эпохи, единственныя свѣдѣнія о которыхъ находимъ въ эпиграммахъ Марціала.

1. *Бассъ*, авторъ трагедій и эпическихъ поэмъ. Ему посвящена 53 эп. V книги:[1] «Другъ, зачѣмъ ты пишешь Колхиду и зачѣмъ (пишешь) Тіеста: къ чему тебѣ, Бассъ, Ніобея или Андромаха? Девкаліонъ – вполнѣ соотвѣтствующій сюжетъ для твоихъ стихотвореній, или Фаэтонъ, если этотъ не понравится».

2. *Каній Руфъ* (Canius Rufus), уроженецъ Гадеса, О немъ Марціалъ упоминаетъ въ 61 эпиграммѣ первой книги:[2] «Верона любитъ силлабы (слоги) ученаго поэта, Мантуа счастлива Марономъ; Анкона пріурочивается какъ родина Ливію; Аполлодору рукоплещетъ Нилъ, приносящій дожди; Пелигны прокричали про своего Овидія, о двухъ Сенекахъ и о единственномъ Луканѣ вѣщала витіеватая Кордуба, *веселый Гадесъ довольствуется своимъ Каніемъ*, а тобой, Лициніанъ, будетъ гордиться нашъ

[1] Colchida quid scribis, quid scribis, amice, Thyesten?
Quo tibi vel Nioben, Basse, vel Andromachen?
. . . . . .

[2] Verona docti syllabas amat vatis,
Marone felix Mantua est,
. . . . . .

[с.87] также Сульпицию читаю все те мужья, которые желают довольствоваться одною законною женой. Она внушает нравственную и целомудренную любовь….. и кто сумеет по достоинству оценить её стихотворения, никого не назовёт целомудреннее и нежнее её».

До сих пор мы упоминали литературных деятелей, о которых находим указания и у других писателей; теперь же переходим к таким литераторам, имена которых сохранились исключительно благодаря Марциалу. В виду историко-литературной ценности подобных эпиграмм мы будем их перифразировать целиком, без пропусков. Вот те писатели из этой эпохи, единственные сведения о которых находим в эпиграммах Марциала.

1. *Басс*, автор трагедий и эпических поэм. Ему посвящена 53 эп. V книги: [1] «Друг, зачем ты пишешь Колхиду и зачем (пишешь) Тиеста: к чему тебе, Басс, Ниобея или Андромаха? Девкалион – вполне соответствующий сюжет для твоих стихотворений, или Фаэтон, если этот не понравится».

2. *Каний Руф* (Canius Rufus), уроженец Гадеса. О нём Марциал упоминает в 61 эпиграмме первой книги: [2] «Верона любит силлабы (слоги) учёного поэта, Мантуа счастлива Мароном; Анкона приурочивается как родина Ливию; Аполлодору рукоплещет Нил, приносящий дожди; Пелигны прокричали про своего Овидия, о двух Сенеках и о единственном Лукане вещала витиеватая Кордуба, *весёлый Гадес довольствуется своим Канием*, а тобой, Лициниан, будет гордиться наш

[1] Colchida quid scribes, quid scribes, amice, Thyesten?
Quo tibi vel Nioben, Basse, vel Andromachen?
. . . . . .

[2] Verona docti sylabas amat vatis,
Marone felix Mantua est,
. . . . . .

Бильбилисъ и о мнѣ не умолчитъ». Тому-же Канію Марціалъ посвящаетъ 20 эпиграмму III книги: [1] «Скажи, муза, что подѣлываетъ мой Каній Руфъ? Не передаетъ ли онъ безсмертнымъ хартіямъ дѣянія временъ Клавдіевыхъ? или то, что лживый дѣписатель приписываетъ Нерону; или не соперничаетъ ли онъ въ фарсахъ съ злодѣемъ Федромъ? Утѣшается ли онъ элегіями, или высокопарно не вызываетъ ли ужаса въ софокловыхъ котурнахъ или на-досугѣ въ школѣ поэтовъ сыплетъ остротами, пропитанными аттической солью? Если онъ отсюда уѣхалъ, то не утаптываетъ ли портикъ храма или же медленно слѣдитъ за похожденіями аргонавтовъ (пробѣгаетъ пространство аргонавтовъ)? Или же опять подъ небомъ благорастворенной Европы сидитъ среди буковыхъ деревьевъ или прогуливается свободный отъ несносныхъ заботъ? Не моется ли онъ въ баняхъ Тита, или Агриппы или безстыднаго Тигеллина? Или, быть можетъ, наслаждается въ деревнѣ Тулла или Лукана, или, наконецъ, не отправился ли онъ въ жаркія Баіи и, безпечный, купается въ Лукринскомъ озерѣ? Однимъ словомъ (коротче сказать), ты хочешь знать, что подѣлываетъ твой Каній? Смѣется».

3. *Каръ* (Carus), увѣнчанный въ альбанскомъ состязаніи [2], на котораго находимъ указаніе въ 23 эп. IX книги [3]: «Каръ, ты, которому удалось заблестѣть золотомъ дѣвственницы, скажи, гдѣ

[1] Dic, Musa, quid agat Canius meus Rufus:
Utrumne chartis tradit ille victuris
Legenda temporum acta Claudianorum?

[2] Литературныя состязанія, устраиваемыя Домиціаномъ въ альбанской виллѣ, его любимомъ мѣстопребываніи.

[3] O cui virgineo flavescere contigit auro,
Dic ubi Palladium sit tibi, Care, decus?
. . . . . .
Albanae livere potest pia quercus olivae,
Cinxerit invictum quod prior illa caput.

[с.88] Бильбилис и о мне не умолчит». Тому-же Канию Марциал посвящает 20 эпиграмму III книги: [1] «Скажи, муза, что поделывает мой Каний Руф? Не передаёт ли он бессмертным хартиям деяния времён Клавдиевых? или то, что лживый дееписатель приписывает Нерону; или не соперничает ли он в фарсах с злодеем Федром? Утешается ли он элегиями, или высокопарно не вызывает ли ужаса в Софокловых котурнах или на-досуге в школе поэтов сыплет остротами, пропитанными аттической солью? Если он отсюда уехал, то не утаптывает ли портик храма или же медленно следит за похождениями аргонавтов (пробегает пространство аргонавтов)? Или же опять под небом благорастворённой Европы сидит среди буковых деревьев или прогуливается свободный от несносных забот? Не моется ли он в банях Тита, или Агриппы или бесстыдного Тигеллина? Или, быть может, наслаждается в деревне Тулла или Лукана, или, наконец, не отправился ли он в жаркие Байи и, беспечный, купается в Лукринском озере? Одним словом (короче сказать), ты хочешь знать, что поделывает твой Каний? Смеётся».

3. *Кар* (Carus), увенчанный в альбанском состязании [2], на которого находим указание в 23 эп. IX книги [3] «Кар, ты, которому удалось заблестеть золотом девственницы, скажи, где

[1] Dic, Musa, quid agat Canius meus Rufus:
Ultrumne chartis tradit ille victuris
Legenda temporum acta Claudianorum?

[2] Литературные состязания, устраиваемые Домицианом в альбанской вилле, его любимом местопребывании.

[3] O cui virgineo flavescere contigit auro,
Dic ubi Palladium sit tibi, Care, decus?
. . . . . .
Albanae livere potest pia quercus olivae,
Cinxerit invictum quod prior illa caput.

у тебя украшеніе Паллады... Священный дубъ можетъ позавидовать альбанской оливѣ, такъ-какъ она еще прежде увѣнчала непобѣдимую голову».

4. *Фавстинъ* (Faustinus), о которомъ упоминается въ 25 эп. I кн.[1]: «Фавстинъ, издай наконецъ твои стихотворенія (книги) для народа и пусти въ свѣтъ твое произведеніе, отдѣланное ученымъ образомъ, которое не осудятъ ни кекропейскія твердыни Пандіона, да и наши старцы не пройдутъ его молчаніемъ. Ты колеблешься впустить стоящую у дверей славу и тебѣ не хочется получить награды за твои труды. Пусть твои неувядаемыя хартіи начнутъ жить послѣ тебя; праху приходитъ поздняя слава».

5. *Руфъ* (Rufus), ораторъ и поэтъ, которому Марціалъ написалъ эпитафію (52 эп. XII кн.)[2]: «Привыкшій увѣнчивать виски піерійскимъ вѣнкомъ и не менѣе прославленный краснорѣчивыми защитами подсудимыхъ, здѣсь погребенъ твой знаменитый Руфъ, Семпронія. Его пепелъ даже горитъ любовью къ тебѣ. О тебѣ говорятъ, какъ о предметѣ для пріятнаго разсказа въ елисейскихъ поляхъ, и сама Тиндарида цѣпенѣетъ при твоемъ похищеніи. Когда тебя со-временемъ узрятъ безмятежныя жилища благочестивыхъ тѣней, то въ стигійскихъ предѣлахъ не будетъ тѣни славнѣе твоей. Прозерпина очень любитъ похище-

[1] Ede tuos tandem populo, Faustine, libellos
Et cultum docto pectore profer opus,
Quod nec Cecropiae damnent Pandionis arces
Nec sileant nostri praetereantque senes.
. . . . . .

[2] Tempora Pieria solitus redimire corona,
Nec minus attonitis vox celebrata reis,
Hic situs est, hic ille tuus Sempronia, Rufus,
Cuius et ipse tui flagrat amore cinis.
. . . . . .

[с.89] у тебя украшение Паллады… Священный дуб может позавидовать альбанской оливе, так-как она ещё прежде увенчала непобедимую голову».

4. *Фавстин* (Faustinus), о котором упоминается в 25 эп. I кн.[1]: «Фавстин, издай наконец твои стихотворения (книги) для народа и пусти в свет твоё произведение, отделанное учёным образом, которое не осудят ни кекропейские твердыни Пандиона, да и наши старцы не пройдут его молчанием. Ты колеблешься впустить стоящую у дверей славу и тебе не хочется получить награды за твои труды. Пусть твои неувядаемые хартии начнут жить после тебя; праху приходит поздняя слава».

5. *Руф* (Rufus), оратор и поэт, которому Марциал написал эпитафию (52 эп. XII кн.) [2] : «Привыкший увенчивать виски пиерийским венком и не менее прославленный красноречивами защитами подсудимых, здесь погребён твой знаменитый Руф, Сепрония. Его пепел даже горит любовью к тебе. О тебе говорят, как о предмете для приятного рассказа в елисейских полях, и сама Тиндарида цепенеет при твоём похищении. Когда тебя со-временем узрят безмятежные жилища благочестивых теней, то в стигийских пределах не будет тени славнее твоей. Прозерпина очень любит похищения

[1] Ede tuos tandem populo, Faustine, libellos
Et cultum doctor pectore profer opus,
Quod nec Cecropiae damnent Pandionis Arces
Nec sileant nostril praetereantque sense.
. . . . . .

[2] Tempora Pieria solitus redimire corona,
Nec minus attonitis vox celebrata reis,
Hic situs est, hic ille tuus Sempronia, Rufus,
Cuius et ipse tui flagrat amore cinis.
. . . . . .

нія (видитъ не чуждое себѣ). Эта любовь привлекла къ тебѣ повелительницу (царицу преисподней)». Хотя приведенная эпиграмма не представляетъ никакихъ данныхъ для характеристики Руфа, но то сочувствіе, которое выражаетъ Марціалъ вдовѣ умершаго, доказываетъ существованіе тѣсной дружбы поэта съ Руфомъ, въ то время какъ тотъ подвизался на поприщѣ ораторскомъ и поэтическомъ.

6. *Стертиній Авитъ* (Stertinius Avitus), къ которому Марціалъ обращается въ введеніи къ IX кн. эпиграммъ и въ первой эпиграммѣ той-же книги[1]: «Извѣстный, хотя и противъ собственной воли, поэтъ съ возвышеннымъ сердцемъ, которому поздній пепелъ доставитъ достойное возмездіе. Пусть ради тебя возникнетъ эта надпись подъ нашимъ бюстомъ, такъ-какъ ты, Авитъ, причисляешь насъ къ славнымъ мужамъ. Я тотъ, который по славѣ своихъ шутокъ не имѣю соперника и которымъ ты, читатель, не восторгаешься, но котораго любишь. Пусть болѣе великіе и гласятъ о болѣе возвышенномъ; а мнѣ, трактовавшему о пустякахъ, достаточно часто бывать въ вашихъ рукахъ». Затѣмъ слѣдуетъ обращеніе къ брату Торану (намъ уже извѣстному): «Будь здоровъ[2], мой Торанъ, любезнѣйшій братецъ. Эпиграмму, которая не включена въ общій счетъ, мы писали къ Стертинію славному мужу, желавшему помѣстить мой бюстъ въ своей библіотекѣ. Я счелъ нужнымъ написать тебѣ о немъ, что-

[1] Note, licet nolis, sublimi pectore vates,
Cui referet serus praemia digna cinis,
Hoc tibi sub nostra breve carmen imagine vivat,
Quam non obscuris iungis, Avite, viris:
. . . . . .

[2] Ave, mi Torani, frater carissime. Epigramma, quod extra ordinem paginarum est, ad Stertinium clarissimum virum scripsimus, qui imaginem meam ponere in bibliotheca sua voluit.

[с.90] (видит не чуждое себе). Эта любовь привлекла к тебе повелительницу (царицу преисподней)». Хотя приведенная эпиграмма не представляет никаких данных для характеристики Руфа, но то сочувствие, которое выражает Марциал вдове умершего, доказывает существование тесной дружбы поэта с Руфом, в то время как тот подвизался на поприще ораторском и поэтическом.

6. *Стертиний Авит* (Stertinius Avitus), к которому Марциал обращается в введении к IX кн. эпиграмм и в первой эпиграмме той-же книги [1]: «Известный, хотя и против собственной воли, поэт с возвышенным сердцем, которому поздний пепел доставит достойное возмездие. Пусть ради тебя возникнет эта надпись под нашим бюстом, так-как ты, Авит, причисляешь нас к славным мужам. Я тот, который по славе своих шуток не имею соперника и которым ты, читатель, не восторгаешься, но которого любишь. Пусть более великие и гласят о более возвышенном; а мне, трактовавшему о пустяках, достаточно часто бывать в ваших руках». Затем следует обращение к брату Торану (нам уже известному): «Будь здоров [2], мой Торан, любезнейший братец. Эпиграмму, которая не включена в общий счёт, мы писали к Стертинию славному мужу, желавшему поместить мой бюст в своей библиотеке. Я счёл нужным написать тебе о нём, чтобы

[1] Note, licet nolis, sublime pectore vates,
Cui referet serus praemia digna cinis,
Hoc tibi sub nostra breve Carmen imagine vivat,
Quam non obscures iungis, Avite, viris:
. . . . . .

[2] Ave, mi Torani, frater carissime. Epigramma, quod extra ordinem paginarum est, ad Stertinium clarissimum virum scripsimus, qui imaginem meam ponere in bibliotheca sua voluit.

бы ты не пребывалъ въ невѣдѣніи, кто былъ этотъ Авитъ. Прощай и жди въ гости». Кромѣ указанія на Авита, эта эпиграмма также интересна и въ томъ отношеніи, что характеризуетъ, какъ высоко стоялъ Марціалъ во мнѣніи писателей его времени, когда они находили умѣстнымъ помѣщать въ своихъ кабинетахъ его бюсты.

7. *Варронъ*, писатель элегій, трагедій и лирическихъ піесъ, къ которому Марціалъ обращается въ 30 эпиграммѣ V книги[1]: «Варронъ, достойный софоклова котурна и не менѣе славный калабрійскою лирой, отложи этотъ трудъ и пусть тебя не прельщаетъ поприще велерѣчиваго Катулла или элегія съ гладко-причесанными волосами. Читай стихотворенія, которыми не слѣдуетъ пренебрегать въ пасмурный декабрь и которыя тебѣ посылаются своевременно (suo mense), или, быть можетъ, Варронъ, тебѣ болѣе удобнымъ кажется разсыпать сатурнальскіе орѣхи».

Затѣмъ у Марціала находимъ эпиграмму, посвященную *Юлію Цереалу* (Julius Cerealis), который, по-видимому, изощрялся исключительно въ сочиненіи эпическихъ поэмъ (52 эп. XI кн.). Въ обращеніи къ этому поэту онъ говоритъ: «Юлій Цереаль, ты прекрасно пообѣдаешь у меня. Приходи, если у тебя не предвидится лучшаго времени препровожденія. Восьмой (часъ) можешь приберечь—будемъ вмѣстѣ мыться: ты знаешь, какъ близко отъ меня бани Стефана». Затѣмъ Марціалъ перечисляетъ

[1] Varro, Sophocleo non infitiande cothurno,
Nec minus in Calabra suspiciende lyra,
Differ opus, nec te facundi scena Catulli
Detineat, cultis aut elegia comis;
Sed lege fumoso non aspernanda Decembri
Carmina, mittuntur quae tibi mense suo.
. . . . . .

[с.91] ты не пребывал в неведении, кто был этот Авит. Прощай и жди в гости». Кроме указания на Авита, эта эпиграмма также интересна и в том отношении, что характеризует, как высоко стоял Марциал во мнении писателей его времени, когда они находили уместным помещать в своих кабинетах его бюсты.

7. *Варрон*, писатель элегий, трагедий и лирических пиес, к которому Марциал обращается в 30 эпиграмме V книги [1]: «Варрон, достойный софоклова котурна и не менее славный калабрийскою лирой, отложи этот труд и пусть тебя не прельщает поприще велеречивого Катулла или элегия с гладко-причёсанными волосами. Читай стихотворения, которыми не следует пренебрегать в пасмурный декабрь и которые тебе посылаются своевременно (suo mense), или, быть может, Варрон, тебе более удобным кажется рассыпать сатурнальские орехи».

Затем у Марциала находим эпиграмму, посвящённую *Юлию Цереалу* (Julius Cerealis), который, по-видимому, изощрялся исключительно в сочинении эпических поэм (52 эп. XI кн.). В обращении к этому поэту он говорит: «Юлий Цереал, ты прекрасно пообедаешь у меня. Приходи, если у тебя не предвидится лучшего времени препровождения. Восьмой (час) можешь приберечь – будем вместе мыться: ты знаешь, как близко от меня бани Стефана». Затем Марциал перечисляет

[1] Varro, Sophocleo non infitiande cothurno,
Nec minus in Calabra suspiciende lyra,
Differ opus, nec te facundi scena Catulli
Detineat, cultis aut elegia comis;
Sed lege fumoso non aspernanda Decembri
Carmina, mittuntur quae tibi mense suo.
. . . . . .

тѣ скромныя блюда, которыми онъ имѣетъ въ виду угостить своего пріятеля (отъ 5-го до 16-го ст.). «Далѣе пообѣщаю тебѣ еще болѣе: ничего не буду читать тебѣ вслухъ. А ты, пожалуй, перечитай намъ своихъ Гигантовъ, эклоги, достойныя безсмертнаго Виргилія»[1].

9. *Воконій Викторъ* (Voconius Victor), составитель элегій, воспѣвающій въ нихъ своего Тестила (Thesthylus) по образцу ученыхъ александрійскихъ поэтовъ[2]: «Тестилъ, пріятная зазноба Воконія Виктора, мальчикъ, извѣстнѣе котораго нѣтъ въ городѣ. Стриженый, ты все-таки любимъ, будучи красавчикомъ, и ни одна дѣвушка не понравится твоему поэту. Отложи на время ученые стихи твоего господина, пока я прочту маленькія піески твоему Виктору. И хотя Маронъ (Виргилій) и воспѣвалъ передъ Меценатомъ Алексиса, однако и смуглая Меленисъ Марсія всѣмъ была извѣстна».

Перечисляя поэтовъ, съ которыми Марціаль былъ болѣе или менѣе друженъ, нельзя пройдти молчаніемъ брата поэта, *Торана* (см. выше), писавшаго стихотворенія въ подражаніе Катуллу. Ему Марціалъ посвящаетъ 44 эпиграмму XII книги[3]: «Единственный братъ, имя мнѣ близкое по родству, ты, который преданъ занятіямъ, имѣющимъ для меня сердечный интересъ, сочиняя стихи, уступающіе по достоинству только стихотвореніямъ

[1] Cenabis belle, Iuli Cerealis, apud me;
Conditio est melior si tibi nulla, veni.
Octavam poteris servare; lavabimur una:
Scis, quam sint Stephani balnea iuncta mihi.
. . . . . .

[2] 29 эп. VII кн.: Thestyle, Victoris tormentum dulce Voconi,
Quo nemo est tota notior urbe puer,
Sic etiam positis formosus amere capillis
. . . . . .

[3] Unice, cognato iunctum mihi sanguine nomen, и т. д.

[с.92] те скромные блюда, которыми он имеет в виду угостить своего приятеля (от 5-го до 16-го ст.). «Далее пообещаю тебе ещё более: ничего не буду читать тебе вслух. А ты, пожалуй, перечитай нам своих Гигантов, эклоги, достойные бессмертного Виргилия» [1].

9. *Воконий Виктор* (Voconius Victor), составитель элегий, воспевающий в них своего Тестила (Thesthylus) по образцу учёных александрийских поэтов [2] : «Тестил, приятная зазноба Вокония Виктора, мальчик, известнее которого нет в городе. Стриженый, ты всё-таки любим, будучи красавчиком, и ни одна девушка не понравится твоему поэту. Отложи на время учёные стихи твоего господина, пока я прочту маленькие пиески твоему Виктору. И хотя Марон (Виргилий) и воспевал перед Меценатом Алексиса, однако и смуглая Меленис Марсия всем была известна».

Перечисляя поэтов, с которыми Марциал был более или менее дружен, нельзя пройти молчанием брата поэта, Торана (см. выше), писавшего стихотворения в подражание Катуллу. Ему Марциал посвящает 44 эпиграмму XII книги [3] : «Единственный брат, имя мне близкое по родству, ты, который предан занятиям, имеющим для меня сердечный интерес, сочиняя стихи, уступающие по достоинству только стихотворениям

[1] Cenabis belle, Iuli Cerealis, apud me;
Conditio est melior si tibi nulla, veni.
Octavam poteris servare; lavabimur una:
Scis, quam sint atephani balnea iuncta mini.
. . . . . .

[2] 29 эп.VII кн.: Thestyle, Victoris tormentum dulce Voconi,
Quo nemo est tota notior urbe puer,
Sic etiam positis formosus amere capillis
. . . . . .

[3] Unice, cognate iunctum mihi sanguine nomen, и т.д.

брата, ты, который сердцемъ ему не уступаешь, а въ родственномъ чувствѣ имѣешь перевѣсъ. Лесбія могла бы тебя полюбить вмѣстѣ съ Катулломъ и за тобой послѣ Назона могла бы послѣдовать ласковая Коринна. Не оказалось бы недостатка въ зефирахъ, если-бы тебѣ пришлось распустить паруса; но ты предпочитаешь твердую землю, и въ этомъ ты имѣешь черту, родственную съ твоимъ братомъ».

Въ неменѣе дружественныхъ отношеніяхъ находился Марціалъ къ поэтамъ, посвящавшимъ себя писанію эпиграммъ, но стоявшимъ значительно ниже его по дарованіямъ. 23 эп. IV кн. посвящена какому-то эпиграмматисту *Бруціану*[1]: «Пока ты слишкомъ долго доискиваешься Бруціанъ, кто въ сравненіи съ тобой занимаетъ первое или второе мѣсто и кто изъ грековъ сочинялъ подобныя эпиграммы. Таллія, Каллимахъ сами удѣлили отъ себя пальму Бруціану, который, пресытившись аттическимъ остроуміемъ, будетъ шутить съ солью свойственной римской Минервѣ, и тогда я попрошу тебя, Каллимахъ, уступи мнѣ второе мѣсто послѣ него».

Въ другой эпиграммѣ Марціалъ упоминаетъ о другомъ эпиграмматистѣ, поэтѣ *Цирепіи*, и о своихъ къ нему отношеніяхъ[2]: «Если ты, Цирепій, собираешься издавать для публики твои

[1] Dum tu lenta nimis diuque quaeris,
Quis primus tibi quisve sit secundus,
Graium quisve epigramma compararit:
Palmam Callimachus, Thalia, de se
Facundo dedit ipse Brutiano. и т. д.

[2] 18 эп. VIII к.: Si tua, Cyreni, promas epigrammata volgo,
Vel mecum possis, vel prior ipse legi.
Sed tibi tantus inest veteris respectus amici,
Carior ut mea sit, quam tua fama tibi.
Sic Maro nec Calabri temptavit carmina Flacci, и т. д.

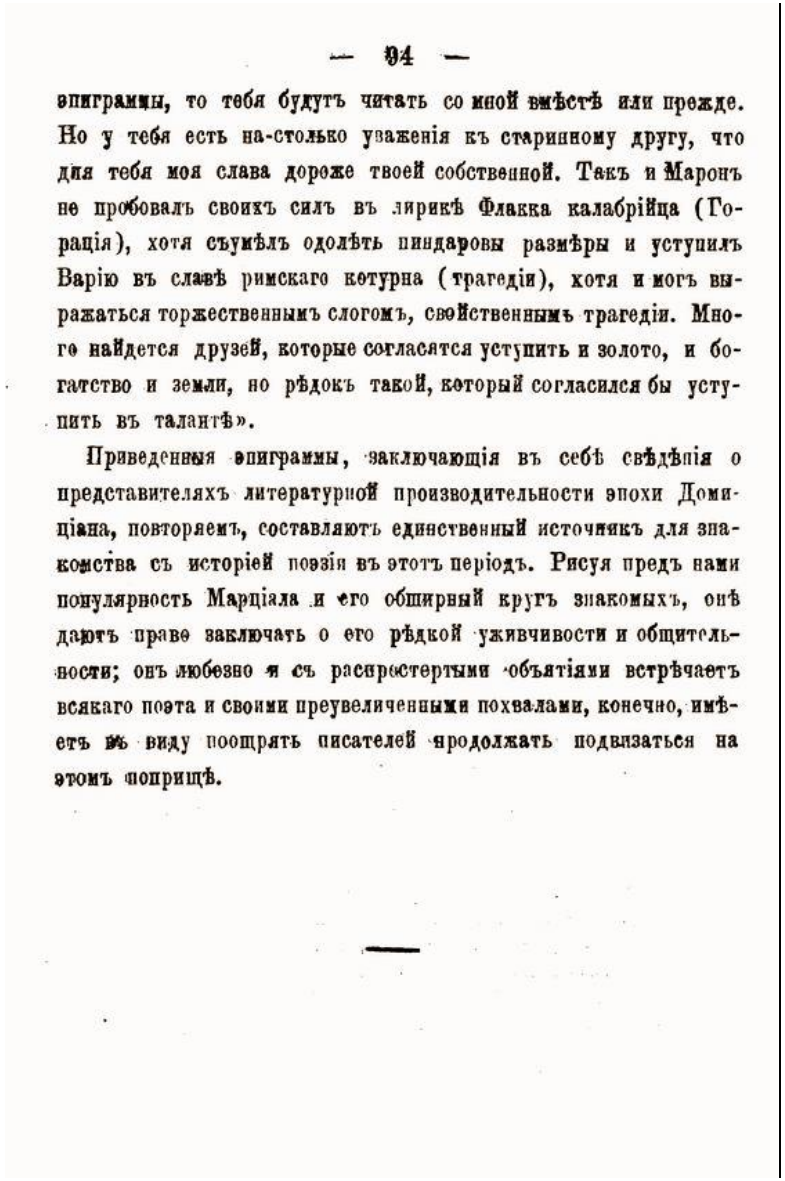
[с.93] брата, ты, который сердцем ему не уступаешь, а в родственном чувстве имеешь перевес. Лесбия могла бы тебя полюбить вместе с Катуллом и за тобой после Назона могла бы последовать ласковая Коринна. Не оказалось бы недостатка в зефирах, если-бы тебе пришлось распустить паруса; но ты предпочитаешь твёрдую землю, и в этом ты имеешь черту, родственную с твоим братом».

В неменее дружественных отношениях находился Марциал к поэтам, посвящавшим себя писанию эпиграмм, но стоявшим значительно ниже его по дарованиям. 23 эп. IV кн. посвящена какому-то эпиграмматисту Бруциану [1] : «Пока ты слишком долго доискиваешься Бруциан, кто в сравнении с тобой занимает первое или второе место и кто из греков сочинял подобные эпиграммы. Таллия, Каллимах сами уделили от себя пальму Бруциану, который, пресытившись аттическим остроумием, будет шутить с солью свойственной римской Минерве, и тогда я попрошу тебя, Каллимах, уступи мне второе место после него».

В другой эпиграмме Марциал упоминает о другом эпиграмматисте, поэте Цирении, и о своих к нему отношениях[2]: «Если ты, Цирений, собираешься издавать для публики твои

[1] Dum tu lenta nimis diuque quaeris,
Quis primus tibi quisve sit secundus,
Graium quisve epigramma compararit:
Palmam Callimachus, Thalia, de se
Facundo dedit ipse Brutiano. и т.д.

[2] 18 эп. VIII кн. Si tua, Cyreni, promas epigrammata volgo,
Vel mecum possis, vel prior ipse legi.
Sed tibi tantus inest veteris respectus amici,
Carior ut mea sit, quam tua fama tibi.
Sic Maro nec Calabri temptavit carmina Flacci, и т.д.



— 94 —

эпиграммы, то тебя будутъ читать со мной вмѣстѣ или прежде. Но у тебя есть на-столько уваженія къ старинному другу, что для тебя моя слава дороже твоей собственной. Такъ и Маронъ не пробовалъ своихъ силъ въ лирикѣ Флакка калабрійца (Горація), хотя съумѣлъ одолѣть пиндаровы размѣры и уступилъ Варію въ славѣ римскаго котурна (трагедіи), хотя и могъ выражаться торжественнымъ слогомъ, свойственнымъ трагедіи. Много найдется друзей, которые согласятся уступить и золото, и богатство и земли, но рѣдокъ такой, который согласился бы уступить въ талантѣ».

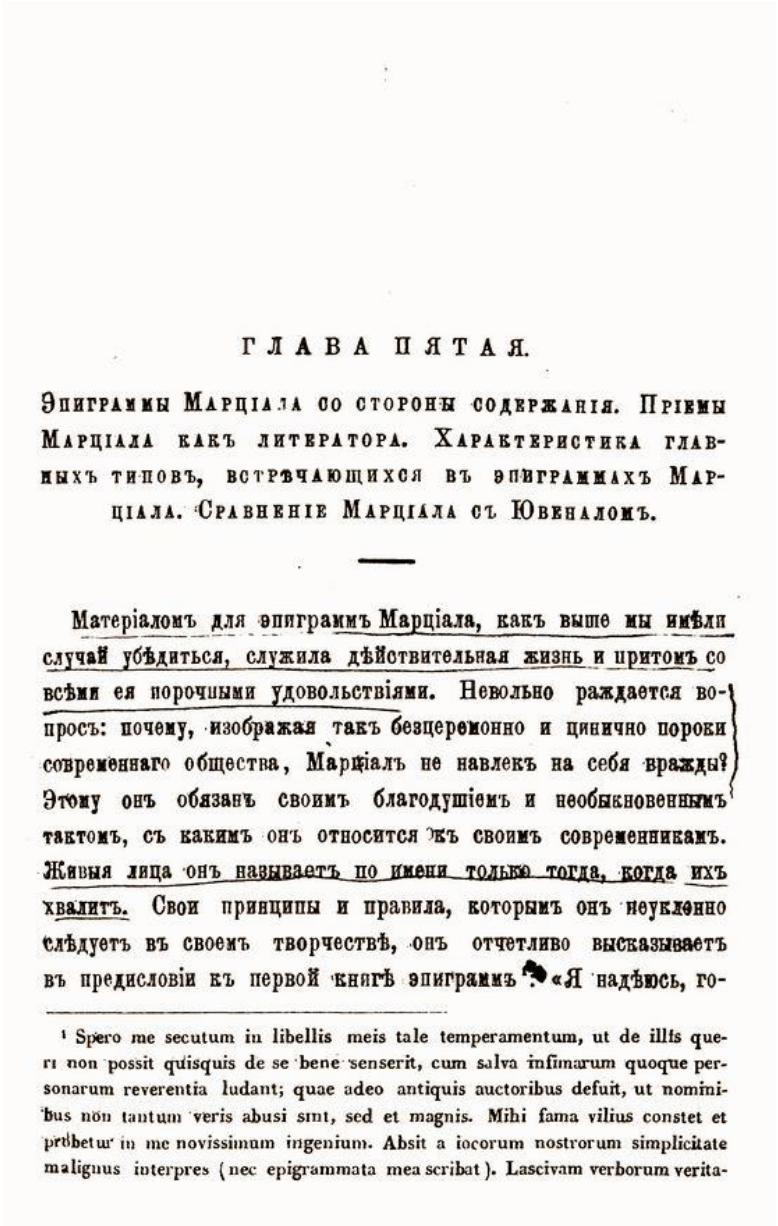
Приведенныя эпиграммы, заключающія въ себѣ свѣдѣнія о представителяхъ литературной производительности эпохи Домиціана, повторяемъ, составляютъ единственный источникъ для знакомства съ исторіей поэзіи въ этотъ періодъ. Рисуя предъ нами популярность Марціала и его обширный кругъ знакомыхъ, онѣ даютъ право заключать о его рѣдкой уживчивости и общительности; онъ любезно и съ распростертыми объятіями встрѣчаетъ всякаго поэта и своими преувеличенными похвалами, конечно, имѣетъ въ виду поощрять писателей продолжать подвизаться на этомъ поприщѣ.

—

[с.94] эпиграммы, то тебя будут читать со мной вместе или прежде. Но у тебя есть на-столько уважения к старинному другу, что для тебя моя слава дороже твоей собственной. Так и Марон не пробовал своих сил в лирике Флакка калабрийца (Горация), хотя сумел одолеть пиндаровы размеры и уступил Варию в славе римского котурна (трагедии), хотя и мог выражаться торжественным слогом, свойственным трагедии. Много найдётся друзей, которые согласятся уступить и золото, и богатство и земли, но редок такой, который согласился бы уступить в таланте».

Приведенные эпиграммы, заключающие в себе сведения о представителях литературной производительности эпохи Домициана, повторяем, составляют единственный источник для знакомства с историей поэзии в этот период. Рисуя пред нами популярность Марциала и его обширный круг знакомых, они дают право заключить о его редкой уживчивости и общительности; он любезно и с распростёртыми объятиями встречает всякого поэта и своими преувеличенными похвалами, конечно, имеет в виду поощрять писателей продолжать подвизаться на этом поприще.

[Конец Главы Четвёртой]



ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эпиграммы Марціала со стороны содержанія. Пріемы Марціала какъ литератора. Характеристика главныхъ типовъ, встрѣчающихся въ эпиграммахъ Марціала. Сравненіе Марціала съ Ювеналомъ.

Матеріаломъ для эпиграммъ Марціала, какъ выше мы имѣли случай убѣдиться, служила дѣйствительная жизнь и притомъ со всѣми ея порочными удовольствіями. Невольно раждается вопросъ: почему, изображая такъ безцеремонно и цинично пороки современнаго общества, Марціалъ не навлекъ на себя вражды? Этому онъ обязанъ своимъ благодушіемъ и необыкновеннымъ тактомъ, съ какимъ онъ относится къ своимъ современникамъ. Живыя лица онъ называетъ по имени только тогда, когда ихъ хвалитъ. Свои принципы и правила, которымъ онъ неуклонно слѣдуетъ въ своемъ творчествѣ, онъ отчетливо высказываетъ въ предисловіи къ первой книгѣ эпиграммъ[1]. «Я надѣюсь, го-

[1] Spero me secutum in libellis meis tale temperamentum, ut de illis queri non possit quisquis de se bene senserit, cum salva infimarum quoque personarum reverentia ludant; quae adeo antiquis auctoribus defuit, ut nominibus non tantum veris abusi sint, sed et magnis. Mihi fama vilius constet et probetur in me novissimum ingenium. Absit a iocorum nostrorum simplicitate malignus interpres (nec epigrammata mea scribat). Lascivam verborum verita-

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Эпиграммы Марциала со стороны содержания. Приёмы Марциала как литератора. Характеристика главных типов, встречающихся в эпиграммах Марциала. Сравнение Марциала с Ювеналом.

Материалом для эпиграмм Марциала, как выше мы имели случай убедиться, служила действительная жизнь и притом со всеми её порочными удовольствиями. Невольно рождается вопрос: почему, изображая так бесцеремонно и цинично пороки современного общества, Марциал не навлёк на себя вражды? Этому он обязан своим благодушием и необыкновенным тактом, с каким он относится к своим современникам. Живые лица он называет по имени только тогда, когда их хвалит. Свои принципы и правила, которым он неуклонно следует в своём творчестве, он отчётливо высказывает в предисловии к первой книге эпиграмм[1]. «Я надеюсь, говорит

[1] Spero me secutum in libellis meis tale temperamentum ut de illis queri non possit quisquis de se bene senserit, cum salua infirmarum quoque personarum reuerentia ludant; quae adeo antiquis auctoribus defuit ut nominibus non tantum ueris abusi sint, sed et magnis. Mihi fama uilius constet et probetur in me nouissimum ingenium. Absit a iocorum nostrorum simplicitate malignus interpres (nec epigrammata mea scribat): [inprobe facit qui in alieno libro ingeniosus est.] Lasciuam uerborum ueritatem, id est epigrammaton linguam, excussarem, si meum esset exemplum: sic scribit Catullus, sic Marsus, sic Pedo, sic Gaetulicus, sic quicumque perlegitur. Si quis tamen tam ambitiose tristis est ut apud illum in nulla pagina latine loqui fas sit, potest epistola uel potius titulo contentus esse. Epigrammata illis scribuntur [qui solent spectare Florales.]

воритъ Марціалъ, что въ моихъ книжкахъ придерживался такой умѣренности, что на нихъ никто не пожалуется, если даже замѣтитъ намекъ на собственную личность, такъ-какъ онѣ заключаютъ въ себѣ шутки, не задѣвая лицъ, занимающихъ даже самое ничтожное общественное положеніе. Чего на-столько были чужды древніе писатели, что не только злоупотребляли подлинными именами, но и притомъ — великими. Пусть слава мнѣ обойдется дешевле и пусть во мнѣ будетъ одобренъ новѣйшій талантъ. Не дай Богъ, чтобы нашелся злостный истолкователь моихъ простыхъ шутокъ.... (Хуже поступаетъ тотъ, который, будучи остроумнымъ, злословитъ относительно моихъ эпиграммъ). Я извинился бы въ вольной правдивости выраженій, т. е. въ эпиграмматическомъ стилѣ, если-бы я первый показалъ примѣръ въ этомъ родѣ: такъ пишутъ Катуллъ, Марсъ, Педонъ, Гетуликъ, такъ всѣ наиболѣе читаемые поэты. Кто же на-столько напыщенъ и педантиченъ, что у него ни въ единой строчкѣ неумѣстно выражаться по-латыни, пусть довольствуется эпистолой или однимъ заголовкомъ. Эпиграммы пишутся для тѣхъ, которые собираются смотрѣть на игры въ честь Флоры. Пусть Катонъ не входитъ въ мой театръ, или уже если разъ вошелъ, то пусть смотритъ. Я полагаю, что я буду въ моемъ правѣ, если я заключу эту эпистолу четверостишіемъ: «Когда ты зналъ пріятныя таинства Флоры, веселыя игры и разгулъ черни, зачѣмъ, суровый Катонъ, ты вошелъ въ театръ, или для того только и пришелъ, чтобы выйдти».

---

tatem excusarem, id est epigrammaton linguam, si meum esset exemplum: sic scribit Catullus, sic Marsus, sic Paedo, sic Gaetulicus, sic quicunque perlegitur. Si quis tamen tam ambitiose tristis est, ut apud illum in nulla pagina latine loqui fas sit, potest epistola vel potius titulo contentus esse. Epigrammata illis scribuntur.

[с.96] Марциал, что в моих книжках придерживался такой умеренности, что на них никто не пожалуется, если даже заметить намёк на собственную личность, так-как они заключают в себе шутки, не задевая лиц, занимающих даже самое ничтожное общественное положение. Чего настолько были чужды древние писатели, что не только злоупотребляли подлинными именами, но и притом – великими. Пусть слава мне обойдётся дешевле и пусть во мне будет одобрен новейший талант. Не дай Бог, чтобы нашёлся злостный истолкователь моих простых шуток…. (Хуже поступает тот, который, будучи остроумным, злословит относительно моих эпиграмм). Я извинился бы в вольной правдивости выражений, т.е. в эпиграмматическом стиле, если-бы я первый показал пример в этом роде: так пишут Катулл, Марс, Педон, Гетулик, так все наиболее читаемые поэты. Кто же на-столько напыщен и педантичен, что у него ни в единой строчке неуместно выражаться по-латыни, пусть довольствуется эпистолой или одним заголовком. Эпиграммы пишутся для тех, которые собираются смотреть на игры в честь Флоры. Пусть Катон не входит в мой театр, или уже если раз вошёл, то пусть смотрит. Я полагаю, что я буду в моём праве, если я заключу эту эпистолу четверостишием: «Когда ты знал приятные таинства Флоры, весёлые игры и разгул черни, зачем, суровый Катон, ты вошёл в театр, или для того только и пришёл, чтобы выйти».

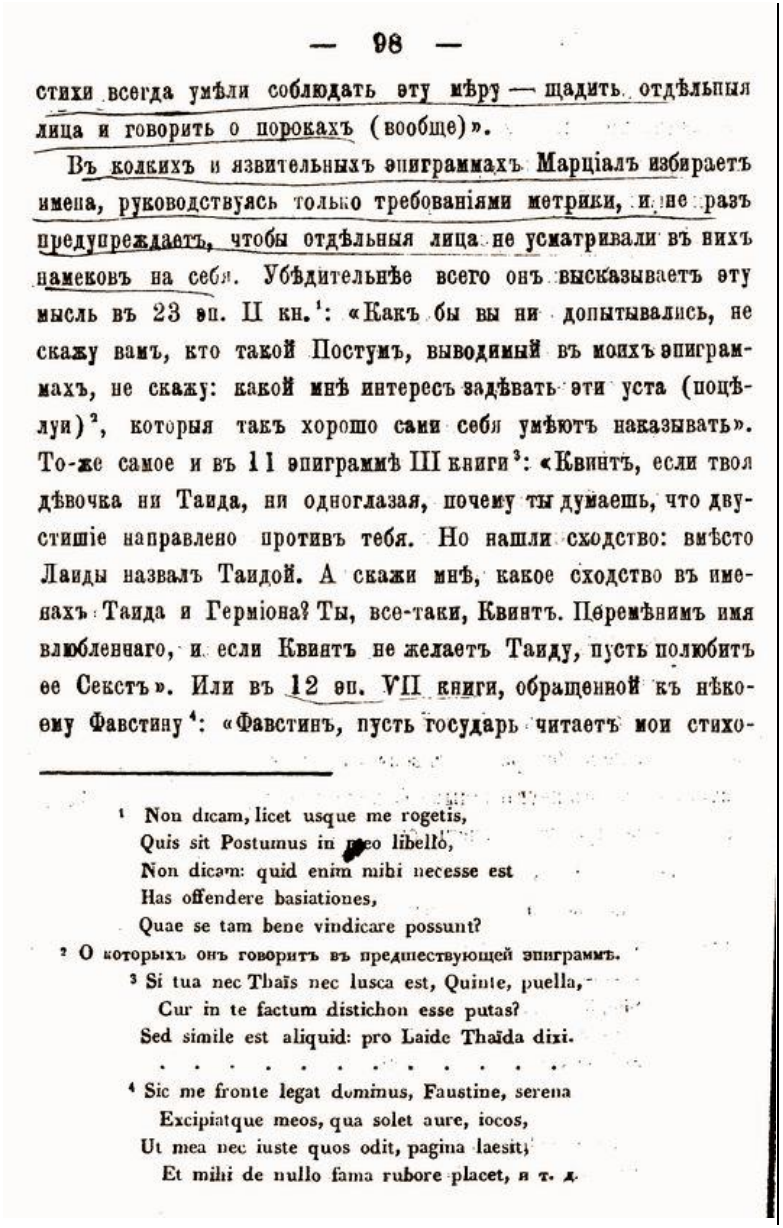
Это введеніе находится въ совершенномъ согласіи съ тѣми пріемами, которыхъ всегда придерживается Марціалъ. Понятно, что, при такомъ благодушномъ отношеніи къ публикѣ, всѣ остроты и шутки Марціала, направленныя противъ отдѣльныхъ личностей, не вызывали противъ него никакого раздраженія въ этихъ самыхъ задѣваемыхъ личностяхъ. Тейфель однако полагаетъ, что «Марціалъ напрасно беретъ на себя трудъ выставлять за основанія какъ humanitas и природное добродушіе то, что есть результатъ его чувства приниженности и покорности» — мнѣніе, съ которымъ едва-ли можно согласиться. Марціалъ, по нашему мнѣнію, дѣйствительно былъ слишкомъ благодушенъ и снисходителенъ, чтобы рѣшиться нападать на отдѣльныя личности. Въ 12 эп. VII книги онъ повторяетъ почти ту-же мысль, что въ своемъ введеніи къ эпиграммамъ: «mea nec juste quos odit, pagina laesit, а также въ 33 эп. X кн.: «parcere personis, dicere de vitiis». Приводимъ содержаніе этой эпиграммы вполнѣ[1]: «Мунаціи Галлъ, который, будучи проще древнихъ сабинянъ, превосходишь добротой кекропейскаго старца, пусть тебѣ цѣломудренная Венера даетъ возможность удержать славныхъ пенатовъ свата съ неугасаемымъ факеломъ дочери, съ тѣмъ чтобы ты, если злонамѣренная зависть скажетъ, что мои стихи окрашены зеленою мѣдянкой, отогналъ отъ насъ этихъ клеветниковъ, по своему обыкновенію, и не бери на себя трудъ порицать всѣхъ пишущихъ подобныя стихотворенія, которыя читаются. Наши

[1] Simplicior priscis, Munati Galle, Sabinis,
Cecropium superas qui bonitate senem,
Sic tibi consoceri claros retinere penates
Perpetua natae det face casta Venus:
Ut tu, si viridi tinctos aerugine versus
Forte malus livor dixerit esse meos,
Ut, facis, a nobis abigas, nec stringere quenquam и т. д.

[с.97]

Это введение находится в совершенном согласии с теми приёмами, которых всегда придерживается Марциал. Понятно, что, при таком благодушном отношении к публике, все остроты и шутки Марциала, направленные против отдельных личностей, не вызывали против него никакого раздражения в этих самых задеваемых личностях. Тейфель однако полагает, что «Марциал напрасно берёт на себя труд выставлять за основания как humanitas и природное добродушие то, что есть результат его чувства приниженности и покорности» – мнение, с которым едва-ли можно согласиться. Марциал, по нашему мнению, действительно был слишком благодушен и снисходителен, чтобы решиться нападать на отдельные личности. В 12 эп. VII книги он повторяет почти ту-же мысль, что в своём введении к эпиграммам: «mea nec juste quos odit, pagina laesit», а также в 33 эп. X кн.: «parcere personis, dicere de vitiis». Приводим содержание этой эпиграммы вполне [1]: «Мунаций Галл, который, будучи проще древних сабинян, превосходишь добротою кекропейского старца, пусть тебе целомудренная Венера даёт возможность удержать славных пенатов свата с неугасаемым факелом дочери, с тем чтобы ты, если злонамеренная зависть скажет, что мои стихи окрашены зелёною медянкой, отогнал от нас этих клеветников, по своему обыкновению, и не бери на себя труд порицать всех пишущих подобные стихотворения, которые читаются. Наши

[1] Simplicior priscis, Munati Galle, Sabinis,
Cecropium superas qui bonitate senem,
Sic tibi consoceri claros retinere penates
Perpetua natae det face casta Venus:
Ut tu, si viridi tinctos aerugine versus
Forte malus livor dixerit esse meos,
Ut facis, a nobis abigas, nec stringere quenquam



— 98 —

стихи всегда умѣли соблюдать эту мѣру — щадить отдѣльныя лица и говорить о порокахъ (вообще)».

Въ колкихъ и язвительныхъ эпиграммахъ Марціалъ избираетъ имена, руководствуясь только требованіями метрики, и не разъ предупреждаетъ, чтобы отдѣльныя лица не усматривали въ нихъ намековъ на себя. Убѣдительнѣе всего онъ высказываетъ эту мысль въ 23 эп. II кн.[1]: «Какъ бы вы ни допытывались, не скажу вамъ, кто такой Постумъ, выводимый въ моихъ эпиграммахъ, не скажу: какой мнѣ интересъ задѣвать эти уста (поцѣлуи)[2], которыя такъ хорошо сами себя умѣютъ наказывать». То-же самое и въ 11 эпиграммѣ III книги[3]: «Квинтъ, если твоя дѣвочка ни Таида, ни одноглазая, почему ты думаешь, что двустишіе направлено противъ тебя. Но нашли сходство: вмѣсто Лаиды назвалъ Таидой. А скажи мнѣ, какое сходство въ именахъ Таида и Герміона? Ты, все-таки, Квинтъ. Перемѣнимъ имя влюбленнаго, и если Квинтъ не желаетъ Таиду, пусть полюбитъ ее Секстъ». Или въ 12 эп. VII книги, обращенной къ нѣкоему Фавстину[4]: «Фавстинъ, пусть государь читаетъ мои стихо-

[1] Non dicam, licet usque me rogetis,
Quis sit Postumus in meo libello,
Non dicam: quid enim mihi necesse est
Has offendere basiationes,
Quae se tam bene vindicare possunt?

[2] О которыхъ онъ говоритъ въ предшествующей эпиграммѣ.

[3] Si tua nec Thaïs nec lusca est, Quinte, puella,
Cur in te factum distichon esse putas?
Sed simile est aliquid: pro Laide Thaïda dixi.
. . . . . .

[4] Sic me fronte legat dominus, Faustine, serena
Excipiatque meos, qua solet aure, iocos,
Ut mea nec iuste quos odit, pagina laesit,
Et mihi de nullo fama rubore placet, и т. д.

[с.98] стихи всегда умели соблюдать эту меру – щадить отдельные лица и говорить о пороках (вообще)».

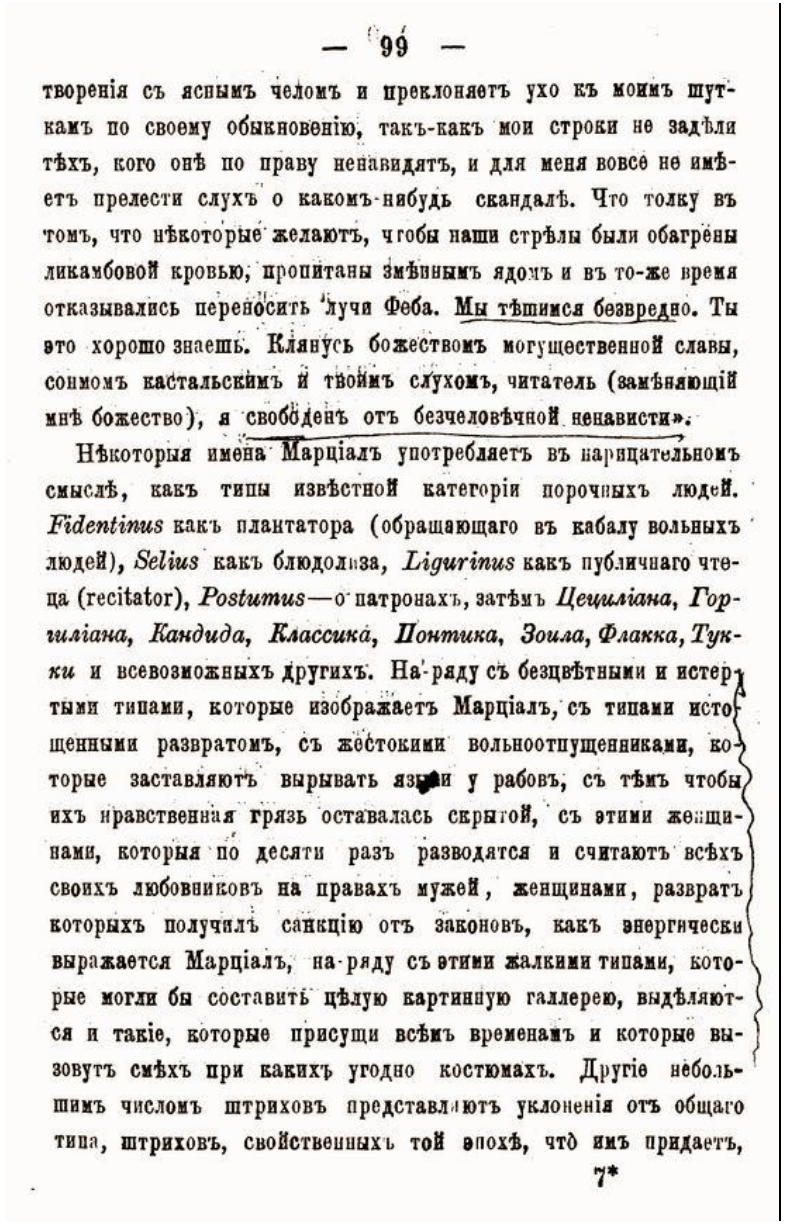
В колких и язвительных эпиграммах Марциал избирает имена, руководствуясь только требованиями метрики, и не раз предупреждает, чтобы отдельные лица не усматривали в них намёков на себя. Убедительнее всего он высказывает эту мысль в 23 эп. II кн. [1]: «Как бы вы ни допытывались, не скажу вам, кто такой Постум, выводимый в моих эпиграммах, не скажу: какой мне интерес задевать эти уста (поцелуи) [2], которые так хорошо сами себя умеют наказывать». То-же самое и в 11 эпиграмме III книги [3]: «Квинт, если твоя девочка ни Таида, ни одноглазая, почему ты думаешь, что двустишие направлено против тебя. Но нашли сходство: вместо Лаиды назвал Таидой. А скажи мне, какое сходство в именах Таида и Гермиона? Ты, всё-таки, Квинт. Переменим имя влюблённого, и если Квинт не жалает Таиду, пусть полюбит её Секст». Или в 12 эп. VII книги, обращённой к некоему Фавстину [4]: «Фавстин, пусть государь читает мои стихотворения

[1] Non dicam, licet usque me rogetis,
Quis sit Postumus in meo libello,
Non dicam: quid enim mihi necesse est
Has offendere basiationes,
Quae se tam bene vindicare possunt?

[2] О которых он говорит в предшествующей эпиграмме.

[3] Si tua Thais nec lusca est, Quinte, puella,
Cur in te factum distichon esse putas?
Sed simile est aliquid: Pro Laide Thaida dixi.
. . . . . .

[4] Sic me fronte legat dominus, Faustine, serena
Excipiatque meos qua solet aure iocos,
Ut mea nec iuste quos odit, pagina laesit
Et mihi de nullo fama rubore placet, и т.д.



— 99 —

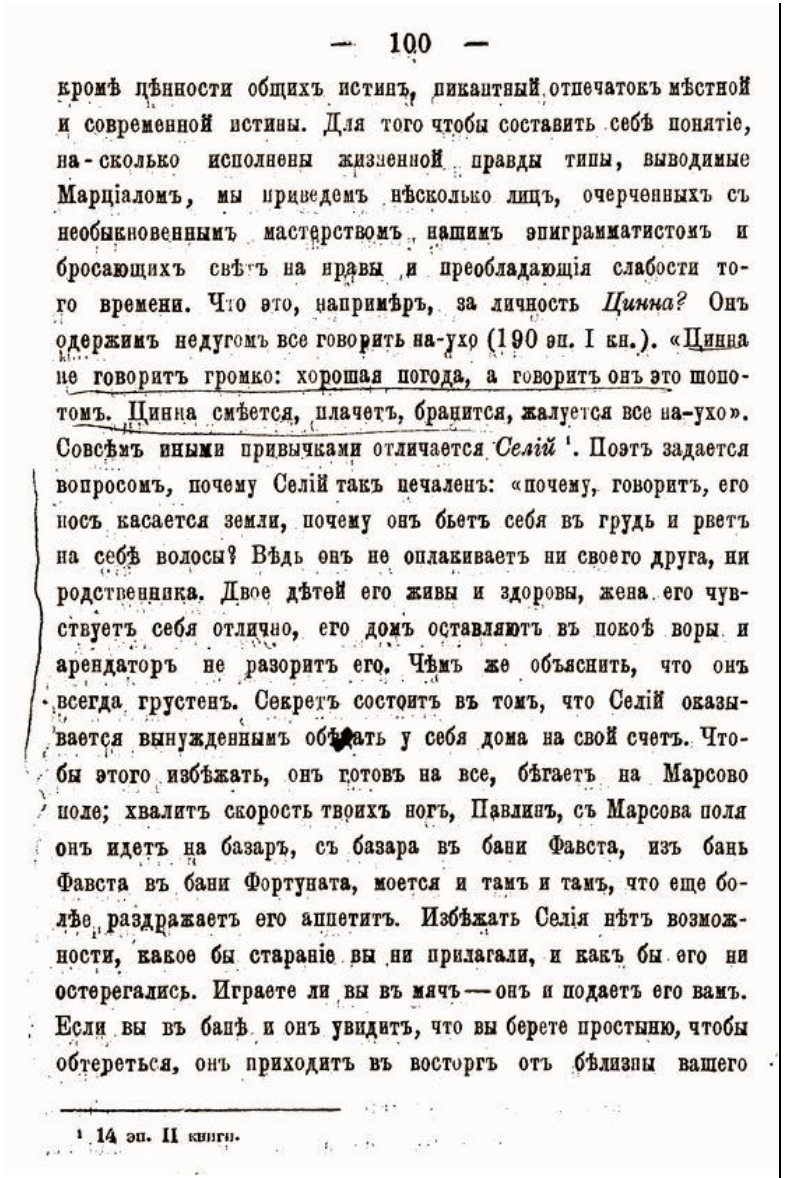
творенія съ яснымъ челомъ и преклоняетъ ухо къ моимъ шуткамъ по своему обыкновенію, такъ-какъ мои строки не задѣли тѣхъ, кого онѣ по праву ненавидятъ, и для меня вовсе не имѣетъ прелести слухъ о какомъ-нибудь скандалѣ. Что толку въ томъ, что нѣкоторые желаютъ, чтобы наши стрѣлы были обагрены ликамбовой кровью, пропитаны змѣинымъ ядомъ и въ то-же время отказывались переносить лучи Феба. Мы тѣшимся безвредно. Ты это хорошо знаешь. Клянусь божествомъ могущественной славы, сономъ кастальскимъ и твоимъ слухомъ, читатель (замѣняющій мнѣ божество), я свободенъ отъ безчеловѣчной ненависти».

Нѣкоторыя имена Марціалъ употребляетъ въ нарицательномъ смыслѣ, какъ типы извѣстной категоріи порочныхъ людей. *Fidentinus* какъ плантатора (обращающаго въ кабалу вольныхъ людей), *Selius* какъ блюдолиза, *Ligurinus* какъ публичнаго чтеца (recitator), *Postumus*—о патронахъ, затѣмъ *Цецилiана*, *Горгилiана*, *Кандида*, *Классика*, *Понтика*, *Зоила*, *Флакка*, *Тукки* и всевозможныхъ другихъ. На-ряду съ безцвѣтными и истертыми типами, которые изображаетъ Марціалъ, съ типами истощенными развратомъ, съ жестокими вольноотпущенниками, которые заставляютъ вырывать языки у рабовъ, съ тѣмъ чтобы ихъ нравственная грязь оставалась скрытой, съ этими женщинами, которыя по десяти разъ разводятся и считаютъ всѣхъ своихъ любовниковъ на правахъ мужей, женщинами, развратъ которыхъ получилъ санкцію отъ законовъ, какъ энергически выражается Марціалъ, на-ряду съ этими жалкими типами, которые могли бы составить цѣлую картинную галлерею, выдѣляются и такіе, которые присущи всѣмъ временамъ и которые вызовутъ смѣхъ при какихъ угодно костюмахъ. Другіе небольшимъ числомъ штриховъ представляютъ уклоненія отъ общаго типа, штриховъ, свойственныхъ той эпохѣ, что имъ придаетъ,

7*

[с.99] с ясным челом и преклоняет ухо к моим шуткам по своему обыкновению, так-как мои строки не задели тех, кого они по праву ненавидят, и для меня вовсе не имеет прелести слух о каком-нибудь скандале. Что толку в том, что некоторые желают, чтобы наши стрелы были обагрены ликамбовой кровью, пропитаны змеиным ядом и в то-же время отказывались переносить лучи Феба. Мы тешимся безвредно. Ты это хорошо знаешь. Клянусь божеством могущественной славы, сномом кастальским и твоим слухом, читатель (заменяющий мне божество), я свободен от бесчеловечной ненависти».

Некоторые имена Марциал употребляет в нарицательном смысле, как типы известной категории порочных людей. *Fidentinus* как плантатора (обращающего в кабалу вольных людей), *Selius* как блюдолиза, *Ligurinus* как публичного чтеца (recitator), Postumus – о патронах, затем *Цецилиана*, *Горгилиана*, *Кандида*, *Классика*, *Понтика*, *Зоила*, *Флакка*, *Тукки* и всевозможных других. На-ряду с бесцветными и истёртыми типами, которые изображает Марциал, с типами истощёнными развратом, с жестокими вольноотпущенниками, которые заставляют вырывать языки у рабов, с тем чтобы их нравственная грязь оставалась скрытой, с этими женщинами, которые по десять раз разводятся и считают всех своих любовников на правах мужей, женщинами, разврат которых получил санкцию от законов, как энергически выражается Марциал, на-ряду с этими жалкими типами, которые могли бы составить целую картинную галерею, выделяются и такие, которые присущи всем временам и которые вызовут смех при каких угодно костюмах. Другие небольшим числом штрихов представляют уклонения от общего типа, штрихов, свойственных той эпохе, что им придаёт,



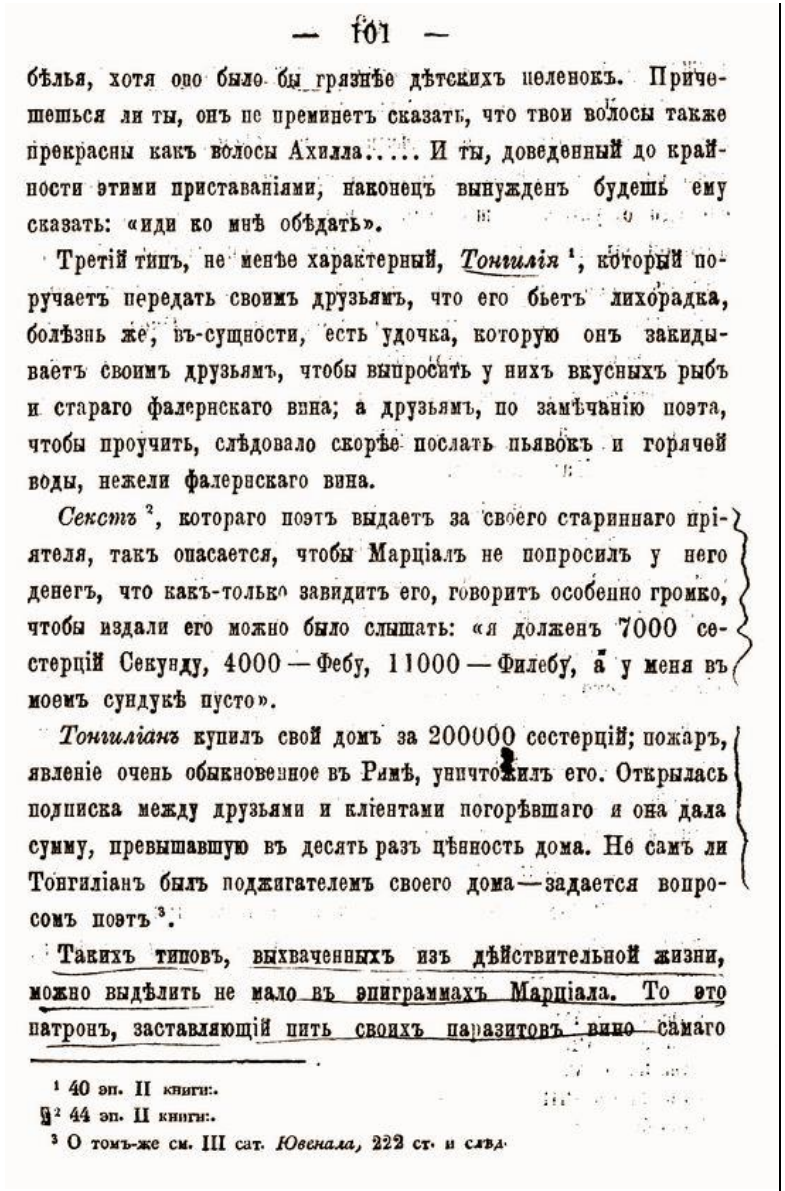
— 100 —

кромѣ цѣнности общихъ истинъ, пикантный отпечатокъ мѣстной и современной истины. Для того чтобы составить себѣ понятіе, на-сколько исполнены жизненной правды типы, выводимые Марціаломъ, мы приведемъ нѣсколько лицъ, очерченныхъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ нашимъ эпиграмматистомъ и бросающихъ свѣтъ на нравы и преобладающія слабости того времени. Что это, напримѣръ, за личность *Цинна?* Онъ одержимъ недугомъ все говорить на-ухо (190 эп. I кн.). «Цинна не говоритъ громко: хорошая погода, а говоритъ онъ это шопотомъ. Цинна смѣется, плачетъ, бранится, жалуется все на-ухо». Совсѣмъ иными привычками отличается *Селій* [1]. Поэтъ задается вопросомъ, почему Селій такъ печаленъ: «почему, говоритъ, его носъ касается земли, почему онъ бьетъ себя въ грудь и рветъ на себѣ волосы? Вѣдь онъ не оплакиваетъ ни своего друга, ни родственника. Двое дѣтей его живы и здоровы, жена его чувствуетъ себя отлично, его домъ оставляютъ въ покоѣ воры и арендаторъ не разоритъ его. Чѣмъ же объяснить, что онъ всегда грустенъ. Секретъ состоитъ въ томъ, что Селій оказывается вынужденнымъ обѣдать у себя дома на свой счетъ. Чтобы этого избѣжать, онъ готовъ на все, бѣгаетъ на Марсово поле; хвалитъ скорость твоихъ ногъ, Павлинъ, съ Марсова поля онъ идетъ на базаръ, съ базара въ бани Фавста, изъ бань Фавста въ бани Фортуната, моется и тамъ и тамъ, что еще болѣе раздражаетъ его аппетитъ. Избѣжать Селія нѣтъ возможности, какое бы стараніе вы ни прилагали, и какъ бы его ни остерегались. Играете ли вы въ мячъ — онъ и подаетъ его вамъ. Если вы въ банѣ и онъ увидитъ, что вы берете простыню, чтобы обтереться, онъ приходитъ въ восторгъ отъ бѣлизны вашего

[1] 14 эп. II книги.

[с.100] кроме ценности общих истин, пикантный отпечаток местной и современной истины. Для того чтобы составить себе понятие, на-сколько исполнены жизненной правды типы, выводимые Марциалом, мы приведём несколько лиц, очерченных с необыкновенным мастерством нашим эпиграмматистом и бросающих свет на нравы и преобладающие слабости того времени. Что это, например, за личность *Цинна?* Он одержим недугом всё говорить на-ухо (190 эп. I кн.). «Цинна не говорит громко : хорошая погода, а говорит он это шопотом. Цинна смеётся, плачет, бранится, жалуется всё на-ухо». Совсем иными привычками отличается *Селий*[1]. Поэт задаётся вопросом, почему Селий так печален: «почему, говорит, его нос касается земли, почему он бьёт себя в грудь и рвёт на себе волосы? Ведь он не оплакивает ни своего друга, ни родственника. Двое детей его живы и здоровы, жена его чувствует себя отлично, его дом оставляют в покое воры и арендатор не разорит его. Чем же объяснить, что он всегда грустен. Секрет состоит в том, что Селий оказывается вынужденным обедать у себя дома на свой счёт. Чтобы этого избежать, он готов на всё, бегает на Марсово поле; хвалит скорость твоих ног, Павлин, с Марсова поля он идёт на базар, с базара в бани Фавста, из бань Фавста в бани Фортуната, моется там и там, что ещё более раздражает его аппетит. Избежать Селия нет возможности, какое бы старание вы ни прилагали, и как бы его ни остерегались. Играете ли вы в мяч – он и подаёт его вам. Если вы в бане и он увидит, что вы берёте простыню, чтобы обтереться, он приходит в восторг от белизны вашего

[1] 14 эп. II книги.



— 101 —

бѣлья, хотя оно было бы грязнѣе дѣтскихъ пеленокъ. Причешешься ли ты, онъ не преминетъ сказать, что твои волосы также прекрасны какъ волосы Ахилла..... И ты, доведенный до крайности этими приставаніями, наконецъ вынужденъ будешь ему сказать: «иди ко мнѣ обѣдать».

Третій типъ, не менѣе характерный, *Тонгилія*[1], который поручаетъ передать своимъ друзьямъ, что его бьетъ лихорадка, болѣзнь же, въ-сущности, есть удочка, которую онъ закидываетъ своимъ друзьямъ, чтобы выпросить у нихъ вкусныхъ рыбъ и стараго фалернскаго вина; а друзьямъ, по замѣчанію поэта, чтобы проучить, слѣдовало скорѣе послать пьявокъ и горячей воды, нежели фалернскаго вина.

Секстъ[2], котораго поэтъ выдаетъ за своего стариннаго пріятеля, такъ опасается, чтобы Марціалъ не попросилъ у него денегъ, что какъ-только завидитъ его, говоритъ особенно громко, чтобы издали его можно было слышать: «я долженъ 7000 сестерцій Секунду, 4000 — Фебу, 11000 — Филебу, а у меня въ моемъ сундукѣ пусто».

Тонгиліанъ купилъ свой домъ за 200000 сестерцій; пожаръ, явленіе очень обыкновенное въ Римѣ, уничтожилъ его. Открылась подписка между друзьями и клієнтами погорѣвшаго и она дала сумму, превышавшую въ десять разъ цѣнность дома. Не самъ ли Тонгиліанъ былъ поджигателемъ своего дома—задается вопросомъ поэтъ[3].

Такихъ типовъ, выхваченныхъ изъ дѣйствительной жизни, можно выдѣлить не мало въ эпиграммахъ Марціала. То это патронъ, заставляющій пить своихъ паразитовъ вино самого

[1] 40 эп. II книги.
[2] 44 эп. II книги.
[3] О томъ-же см. III сат. *Ювенала*, 222 ст. и слѣд.

[с.101] белья, хотя оно было бы грязнее детских пелёнок. Причешешься ли ты, он не преминёт сказать, что твои волосы также прекрасны как волосы Ахилла….. И ты, доведенный до крайности этими приставаниями, наконец вынужден будешь ему сказать: «иди ко мне обедать».

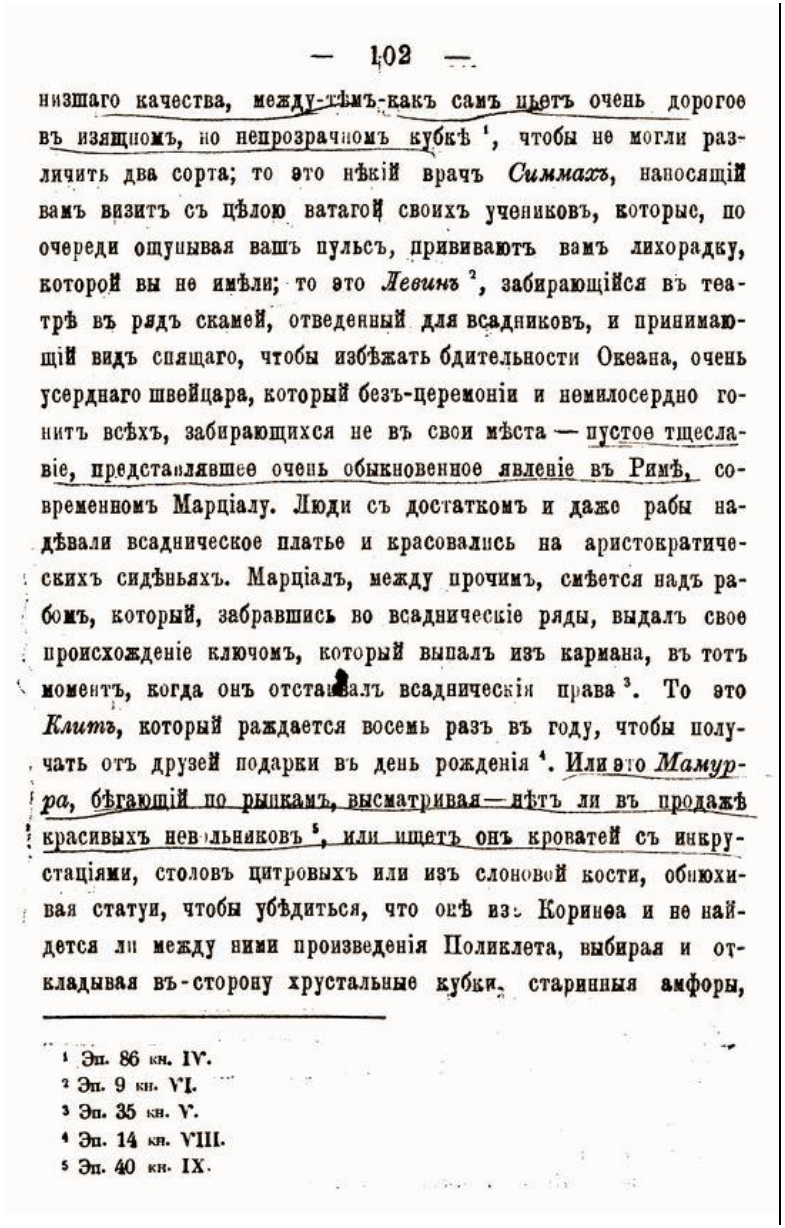
Третий тип, не менее характерный, *Тонгилия*[1] , который поручает передать своим друзьям, что его бьёт лихорадка, болезнь же, в-сущности, есть удочка, которую он закидывает своим друзьям, чтобы выпросить у них вкусных рыб и старого фалернского вина; а друзьям, по замечанию поэта, чтобы проучить, следовало скорее послать пиявок и горячей воды, нежели фалернского вина.

Секст[2], которого поэт выдаёт за своего старинного приятеля, так опасается, чтобы Марциал не попросил у него денег, что как-только завидит его, говорит особенно громко, чтобы издали его можно было слышать: «я должен 7000 сестерций Секунду, 4000 – Фебу, 11000 – Филебу, а у меня в моём сундуке пусто».

Тонгилиан купил свой дом за 200000 сестерций; пожар, явление очень обыкновенное в Риме, уничтожил его. Открылась подписка между друзьями и клиентами погоревшего и она дала сумму, превышавшую в десять раз ценность дома. Не сам ли Тонгилиан был поджигателем своего дома – задаётся вопросом поэт[3].

Таких типов, выхваченных из действительной жизни, можно выделить не мало в эпиграммах Марциала. То это патрон, заставляющий пить своих паразитов вино самого

[1] 40 эп. II книги.
[2] 44 эп. II книги.
[3] О том-же см. III сат. *Ювенала*, 222 ст. и след.



— 102 —.

низшаго качества, между-тѣмъ-какъ самъ пьетъ очень дорогое въ изящномъ, но непрозрачномъ кубкѣ [1], чтобы не могли различить два сорта; то это нѣкій врачъ *Симмахъ*, наносящій вамъ визитъ съ цѣлою ватагой своихъ учениковъ, которые, по очереди ощупывая вашъ пульсъ, прививаютъ вамъ лихорадку, которой вы не имѣли; то это *Левинъ* [2], забирающійся въ театрѣ въ рядъ скамей, отведенный для всадниковъ, и принимающій видъ спящаго, чтобы избѣжать бдительности Океана, очень усерднаго швейцара, который безъ-церемоніи и немилосердно гонитъ всѣхъ, забирающихся не въ свои мѣста — пустое тщеславіе, представлявшее очень обыкновенное явленіе въ Римѣ, современномъ Марціалу. Люди съ достаткомъ и даже рабы надѣвали всадническое платье и красовались на аристократическихъ сидѣньяхъ. Марціалъ, между прочимъ, смѣется надъ рабомъ, который, забравшись во всаднические ряды, выдалъ свое происхожденіе ключомъ, который выпалъ изъ кармана, въ тотъ моментъ, когда онъ отстаивалъ всаднические права [3]. То это *Клитъ*, который раждается восемь разъ въ году, чтобы получать отъ друзей подарки въ день рожденія [4]. Или это *Мамурра*, бѣгающій по рынкамъ, высматривая — нѣтъ ли въ продажѣ красивыхъ невольниковъ [5], или ищетъ онъ кроватей съ инкрустаціями, столовъ цитровыхъ или изъ слоновой кости, обнюхивая статуи, чтобы убѣдиться, что онѣ изъ Коринѳа и не найдется ли между ними произведенія Поликлета, выбирая и откладывая въ-сторону хрустальные кубки, старинныя амфоры,

[1] Эп. 86 кн. IV.
[2] Эп. 9 кн. VI.
[3] Эп. 35 кн. V.
[4] Эп. 14 кн. VIII.
[5] Эп. 40 кн. IX.

[с.102] низшего качества, между-тем-как сам пьёт очень дорогое в изящном, но непрозрачном кубке[1], чтобы не могли различить два сорта; то это некий врач *Симмах*, наносящий вам визит с целою ватагой своих учеников, которые, по очереди ощупывая ваш пульс, прививают вам лихорадку, которой вы не имели; то это *Левин* [2], забирающийся в театре в ряд скамей, отведенный для всадников, и принимающий вид спящего, чтобы избежать бдительности Океана, очень усердного швейцара, который безцеремоний и немилосердно гонит всех, забирающихся не в свои места – пустое тщеславие, представлявшее очень обыкновенное явление в Риме, современном Марциалу. Люди с достатком и даже рабы надевали всаднические платье и красовались в аристократических сиденьях. Марциал, между прочим, смеётся над рабом, который, забравшись во всаднические ряды, выдал своё происхождение ключом, который выпал из кармана, в тот момент, когда он отстаивал всаднические права[3]. То это Клит, который рождается восемь раз в году, чтобы получать от друзей подарки в день рождения[4]. Или это Мамурра, бегающий по рынкам, высматривая – нет ли в продаже красивых невольников[5], или ищет он кроватей с инкрустациями, столов цитровых или из слоновой кости, обнюхивая статуи, чтобы убедиться, что они из Коринфа и не найдётся ли между ними произведения Поликлета, выбирая и откладывая в-сторону хрустальные кубки, старинные амфоры,

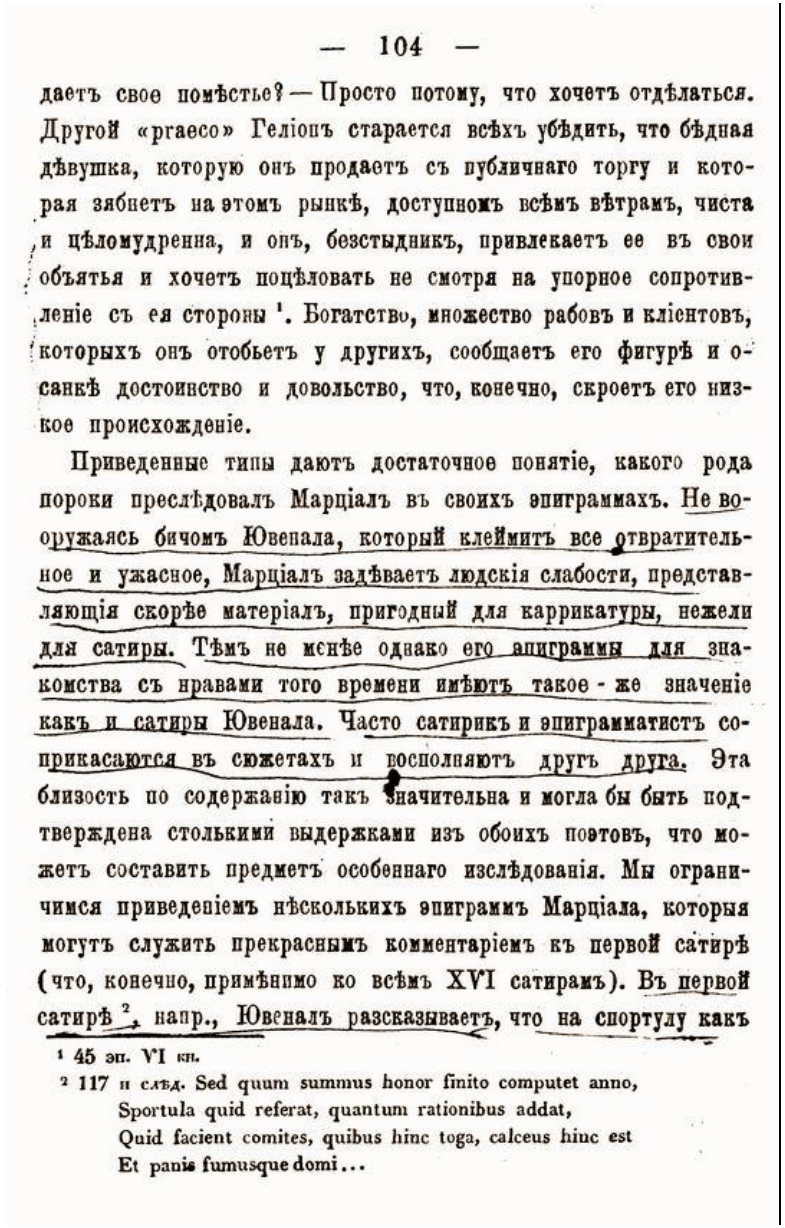
[1] Эп. 86 кн.IV.
[2] Эп. 9 кн. VI.
[3] Эп. 35 кн. V.
[4] Эп. 14 кн. VIII.
[5] Эп. 40 кн. IX.

вазы рѣзца Ментора, какъ-бы имѣя въ виду ихъ купить: при этомъ, прицѣниваясь къ драгоцѣннымъ каменьямъ, перламъ и яшмѣ, и наконецъ, набѣгавшись до 11 часовъ, купилъ двѣ простыя вазы цѣною въ одинъ ассъ и, за неимѣніемъ рабовъ, понесъ ихъ собственными руками. То это адвокатъ *Галликъ*, настойчиво просящій, чтобы съ нимъ были откровенны и чтобы ему высказывали правду о его судебныхъ рѣчахъ: это мнѣ доставитъ большое удовольствіе — постоянно повторяетъ Галликъ. Я ни въ чемъ не желаю тебѣ отказывать, Галликъ, и послушай вещь болѣе справедливую, нежели сама истина: «Галликъ, ты не любишь, чтобы тебѣ говорили правду».

Не менѣе удачно Марціалъ запечатлѣлъ въ своихъ эпиграммахъ весьма интересный типъ своей эпохи, типъ разбогатѣвшаго глашатая (praeco). Прежде это былъ ничтожнѣйшій гражданинъ изъ трибы (tribulus), теперь же онъ богатъ — его роскошь и спѣсь раздражаетъ Ювенала и смѣшитъ Марціала. Что ему придаетъ наибольше апломба, такъ это то, что онъ остался шутникомъ только лучшаго тона, чѣмъ тѣ крикуны, о которыхъ говоритъ Цицеронъ. Крикунъ (praeco) прежняго времени былъ бѣдный площадной шутъ, вызывавшій смѣхъ въ римскихъ ротозѣяхъ въ ущербъ злополучному банкроту, движимое имущество котораго онъ продавалъ; способъ выраженія его отличался рѣзкостью и шутки бывали площадныя. Глашатай же, выводимый Марціаломъ, по мѣрѣ своего обогащенія, шлифуется и изъ шута становится тонкимъ комикомъ. Напримѣръ, вотъ къ какому пріему онъ прибѣгаетъ, чтобы набить цѣну на землю Марія, которая продается съ публичнаго торгу. Обманываются, кричитъ онъ, если вѣрятъ, что Марій вынужденъ продавать земли для уплаты долговъ: Марій никому не долженъ: скажу лучше — онъ всѣмъ занимаетъ. Такъ за-чѣмъ въ такомъ случаѣ Марій про-

[с.103] вазы резца Ментора, как бы имея в виду их купить: при этом, прицениваясь к драгоценным каменьям, перлам и яшме, и наконец, набегавшись до 11 часов, купил две простые вазы ценою в один асс и, за неимением рабов, понёс их собственными руками. То это адвокат *Галлик*, настойчиво просящий, чтобы с ним были откровенны и чтобы ему высказывали правду о его судебных речах: это мне доставит большое удовольствие – постоянно повторяет Галлик. Я ни в чём не желаю тебе отказывать, Галлик, и послушай вещь более справедливую, нежели сама истина: «Галлик, ты не любишь, чтобы тебе говорили правду».

Не менее удачно Марциал запечатлел в своих эпиграммах весьма интересный тип своей эпохи, тип разбогатевшего глашатая (praeco). Прежде это был ничтожнейший гражданин из трибы (tribulus), теперь же он богат – его роскошь и спесь раздражает Ювенала и смешит Марциала. Что ему придаёт наибольше апломба, так это то, что он остался шутником только лучшего тона, чем те крикуны, о которых говорит Цицерон. Крикун (praeco) прежнего времени был бедный площадной шут, вызывавший смех в римских ротозеях в ущерб злополучному банкроту, движимое имущество которого он продавал; способ выражения его отличался резкостью и шутки бывали площадные. Глашатай же, выводимый Марциалом, по мере своего обогащения, шлифуется и из шута становится тонким комиком. Например, вот к какому приёму он прибегает, чтобы набить цену на землю Мария, которая продаётся с публичного торгу. Обманываются, кричит он, если верят, что Марий вынужден продавать земли для уплаты долгов: Марий никому не должен: скажу лучше – он всем занимает. Так за-чем в таком случае Марий продаёт



— 104 —

даетъ свое помѣстье? — Просто потому, что хочетъ отдѣлаться. Другой «praeco» Геліонъ старается всѣхъ убѣдить, что бѣдная дѣвушка, которую онъ продаетъ съ публичнаго торгу и которая зябнетъ на этомъ рынкѣ, доступномъ всѣмъ вѣтрамъ, чиста и цѣломудренна, и онъ, безстыдникъ, привлекаетъ ее въ свои объятья и хочетъ поцѣловать не смотря на упорное сопротивленіе съ ея стороны [1]. Богатство, множество рабовъ и клієнтовъ, которыхъ онъ отобьетъ у другихъ, сообщаетъ его фигурѣ и осанкѣ достоинство и довольство, что, конечно, скроетъ его низкое происхожденіе.

Приведенные типы даютъ достаточное понятіе, какого рода пороки преслѣдовалъ Марціалъ въ своихъ эпиграммахъ. Не вооружаясь бичомъ Ювенала, который клеймитъ все отвратительное и ужасное, Марціалъ задѣваетъ людскія слабости, представляющія скорѣе матеріалъ, пригодный для каррикатуры, нежели для сатиры. Тѣмъ не менѣе однако его эпиграммы для знакомства съ нравами того времени имѣютъ такое-же значеніе какъ и сатиры Ювенала. Часто сатирикъ и эпиграмматистъ соприкасаются въ сюжетахъ и восполняютъ другъ друга. Эта близость по содержанію такъ значительна и могла бы быть подтверждена столькими выдержками изъ обоихъ поэтовъ, что можетъ составить предметъ особеннаго изслѣдованія. Мы ограничимся приведеніемъ нѣсколькихъ эпиграммъ Марціала, которыя могутъ служить прекраснымъ комментаріемъ къ первой сатирѣ (что, конечно, примѣнимо ко всѣмъ XVI сатирамъ). Въ первой сатирѣ [2], напр., Ювеналъ разсказываетъ, что на спортулу какъ

[1] 45 эп. VI кн.

[2] 117 и слѣд. Sed quum summus honor finito computet anno,
Sportula quid referat, quantum rationibus addat,
Quid facient comites, quibus hinc toga, calceus hinc est
Et panis fumusque domi...

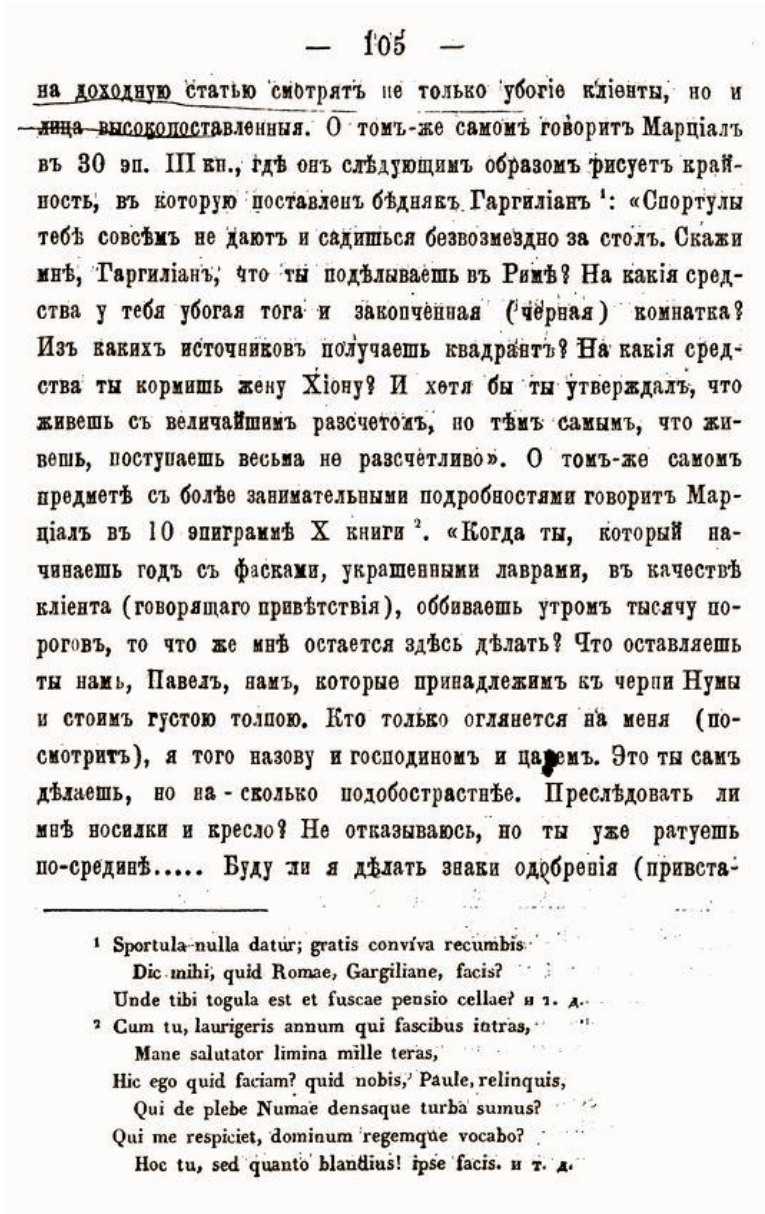
[с.104] своё поместье? – Просто потому, что хочет отделаться. Другой «praeco» Гелион старается всех убедить, что бедная девушка, которую он продаёт с публичного торгу и которая зябнет на этом рынке, доступном всем ветрам, чиста и целомудренна, и он, бесстыдник, привлекает её в свои объятия и хочет поцеловать не смотря упорное сопротивление с её стороны[1]. Богатство, множество рабов и клиентов, которых он отобьёт у других, сообщает его фигуре и осанке достоинство и довольство, что, конечно, скроет его низкое происхождение.

Приведенные типы дают достаточное понятие, какого рода пороки преследовал Марциал в своих эпиграммах. Не вооружаясь бичом Ювенала, который клеймит всё отвратительное и ужасное, Марциал задевает людские слабости, представляющие скорее материал, пригодный для каррикатуры, нежели для сатиры. Тем не менее однако его эпиграммы для знакомства с нравами того времени имеют такое-же значение как и сатиры Ювенала. Часто сатирик и эпиграмматист соприкасаются в сюжетах и восполняют друг друга.

Эта близость по содержанию так значительна и могла бы быть подтверждена столькими выдержками из обоих поэтов, что может составить предмет особенного исследования. Мы ограничимся приведением нескольких эпиграмм Марциала, которые могут служить прекрасным комментарием к первой сатире (что, конечно, применимо ко всем XVI сатирам). В первой сатире [2], напр., Ювенал рассказывает, что на спортулу как

[1] 45 эп. VI кн.

[2] 117 и след. Sed quum summus honor finito competet anno,
Sportula quid referat, quantum rationibus addat,
Quid facient comites, quibus hinc toga, calceus hinc est
Et panis fumusque domi…



— 105 —

на доходную статью смотрятъ не только убогіе клієнты, но и лица высокопоставленныя. О томъ-же самомъ говоритъ Марціалъ въ 30 эп. III кн., гдѣ онъ слѣдующимъ образомъ рисуетъ крайность, въ которую поставленъ бѣднякъ Гаргиліанъ [1]: «Спортулы тебѣ совсѣмъ не даютъ и садишься безвозмездно за столъ. Скажи мнѣ, Гаргиліанъ, что ты подѣлываешь въ Римѣ? На какія средства у тебя убогая тога и закопчённая (чёрная) комнатка? Изъ какихъ источниковъ получаешь квадрантъ? На какія средства ты кормишь жену Хіону? И хотя бы ты утверждалъ, что живешь съ величайшимъ разсчетомъ, но тѣмъ самымъ, что живешь, поступаешь весьма не разсчётливо». О томъ-же самомъ предметѣ съ болѣе занимательными подробностями говоритъ Марціалъ въ 10 эпиграммѣ X книги [2]. «Когда ты, который начинаешь годъ съ фасками, украшенными лаврами, въ качествѣ клієнта (говорящаго привѣтствія), оббиваешь утромъ тысячу пороговъ, то что же мнѣ остается здѣсь дѣлать? Что оставляешь ты намъ, Павелъ, намъ, которые принадлежимъ къ черни Нумы и стоимъ густою толпою. Кто только оглянется на меня (посмотритъ), я того назову и господиномъ и царемъ. Это ты самъ дѣлаешь, но на-сколько подобострастнѣе. Преслѣдовать ли мнѣ носилки и кресло? Не отказываюсь, но ты уже ратуешь по-срединѣ..... Буду ли я дѣлать знаки одобренія (привста-

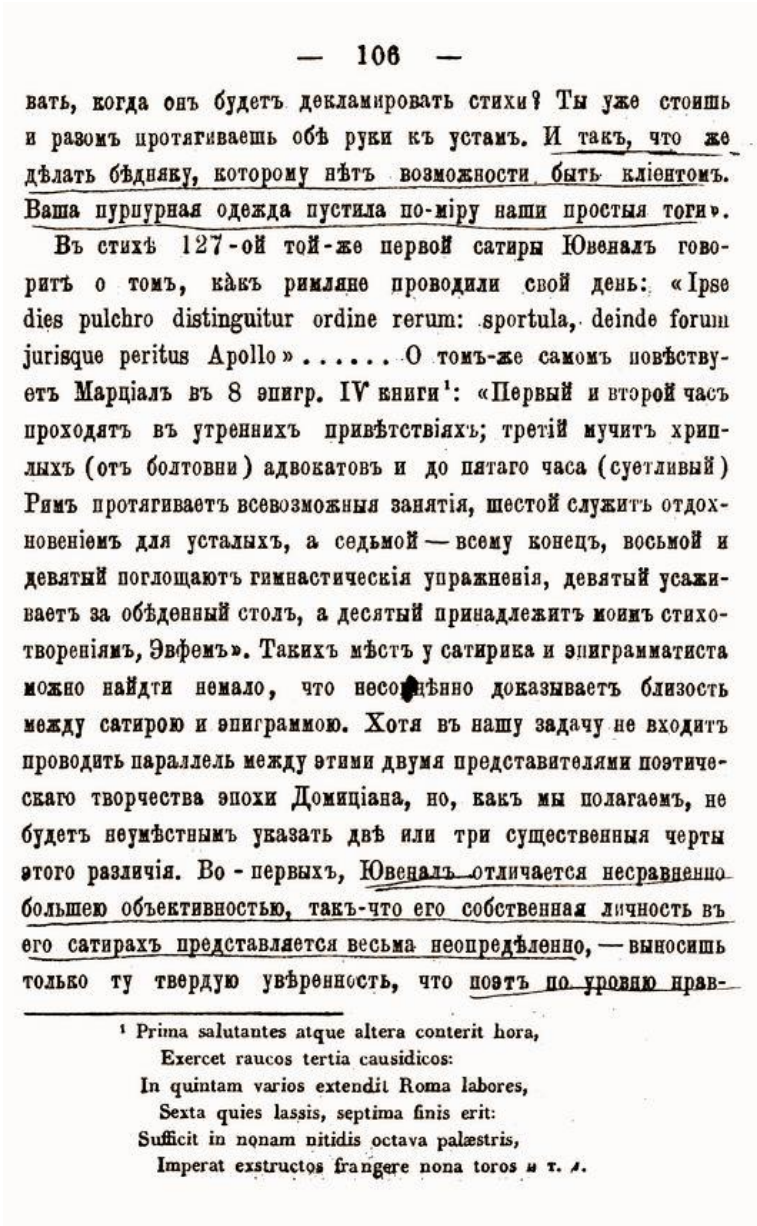
[1] Sportula nulla datur; gratis conviva recumbis
Dic mihi, quid Romae, Gargiliane, facis?
Unde tibi togula est et fuscae pensio cellae? и т. д.

[2] Cum tu, laurigeris annum qui fascibus intras,
Mane salutator limina mille teras,
Hic ego quid faciam? quid nobis, Paule, relinquis,
Qui de plebe Numae densaque turba sumus?
Qui me respiciet, dominum regemque vocabo?
Hoc tu, sed quanto blandius! ipse facis. и т. д.

[с.105] на доходную статью смотрят не только убогие клиенты, но и лица высокопоставленные. О том-же самом говорит Марциал в 30 эп. III кн., где он следующим образом рисует крайность, в которую поставлен бедняк Гаргилиан [1]: «Спортулы тебе совсем не дают и садишься безвозмездно за стол. Скажи мне, Гаргилиан, что ты поделываешь в Риме? На какие средства у тебя убогая тога и закопчённая (чёрная) комнатка? Из каких источников получаешь квадрант? На какие средства ты кормишь жену Хиону? И хотя бы ты утверждал, что живёшь с величайшим расчётом, но тем самым, что живёшь, поступаешь весьма не расчётливо». О том-же самом предмете с более занимательными подробностями говорит Марциал в 10 эпиграмме X книги [2]. «Когда ты, который начинаешь год с фасками, украшенными лаврами, в качестве клиента (говорящего приветствия), оббиваешь утром тысячу порогов, то что же мне остаётся здесь делать? Что оставляешь ты нам, Павел, нам, которые принадлежим к черни Нумы и стоим густою толпою. Кто только оглянётся на меня (посмотрит), я того назову и господином и царём. Это ты сам делаешь, но на-сколько подобострастнее. Преследовать ли мне носилки и кресло? Не отказываюсь, но ты уже ратуешь по-средине….. Буду ли я делать знаки одобрения (привставать),

[1] Sportula nulla datur; gratis conviva recumbis
Dic mihi, quid Romae, Gargiliane, facis?
Unde tibi tobula est et fuscae pension cellae? и т.д.

[2] Cum tu, laurigeris annum qui fascibus intras,
Mane salutatory limina mille teras,
Hic ego quid faciam& quid nobis, Paule, relinquis,
Qui de plebe Numae densaque turba sumus&
Qui me respiciet, dominum regemque vocabo?
Hoc to, sed quanto blanius! Ipse facis и т.д.



— 106 —

вать, когда онъ будетъ декламировать стихи? Ты уже стоишь и разомъ протягиваешь обѣ руки къ устамъ. И такъ, что же дѣлать бѣдняку, которому нѣтъ возможности быть кліентомъ. Ваша пурпурная одежда пустила по-міру наши простыя тоги».

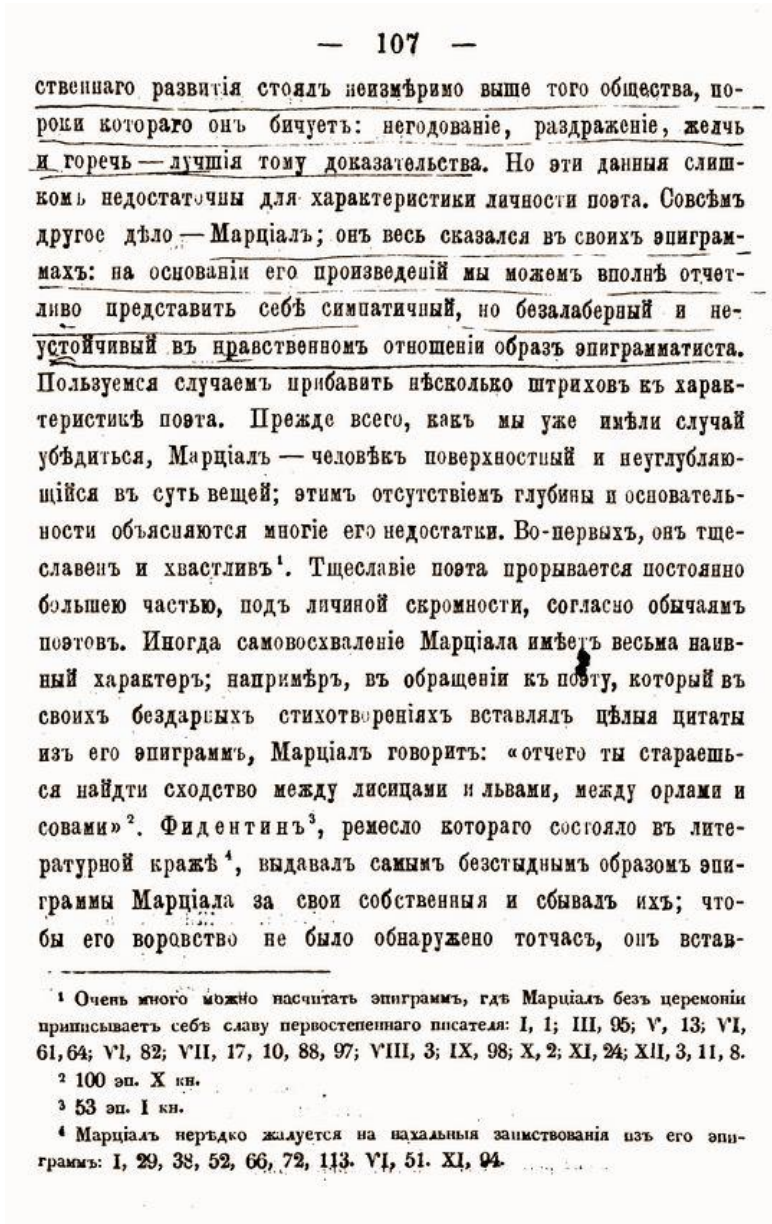
Въ стихѣ 127-ой той-же первой сатиры Ювеналъ говоритъ о томъ, какъ римляне проводили свой день: «Ipse dies pulchro distinguitur ordine rerum: sportula, deinde forum jurisque peritus Apollo» ..... О томъ-же самомъ повѣствуетъ Марціалъ въ 8 эпигр. IV книги[1]: «Первый и второй часъ проходятъ въ утреннихъ привѣтствіяхъ; третій мучитъ хриплыхъ (отъ болтовни) адвокатовъ и до пятаго часа (суетливый) Римъ протягиваетъ всевозможныя занятія, шестой служитъ отдохновеніемъ для усталыхъ, а седьмой — всему конецъ, восьмой и девятый поглощаютъ гимнастическія упражненія, девятый усаживаетъ за обѣденный столъ, а десятый принадлежитъ моимъ стихотвореніямъ, Эвфемъ». Такихъ мѣстъ у сатирика и эпиграмматиста можно найдти немало, что несомнѣнно доказываетъ близость между сатирою и эпиграммою. Хотя въ нашу задачу не входитъ проводить параллель между этими двумя представителями поэтическаго творчества эпохи Домиціана, но, какъ мы полагаемъ, не будетъ неумѣстнымъ указать двѣ или три существенныя черты этого различія. Во-первыхъ, Ювеналъ отличается несравненно большею объективностью, такъ-что его собственная личность въ его сатирахъ представляется весьма неопредѣленно, — выносишь только ту твердую увѣренность, что поэтъ по уровню нравственнаго

[1] Prima salutantes atque altera conterit hora,
Exercet raucos tertia causidicos:
In quintam varios extendit Roma labores,
Sexta quies lassis, septima finis erit:
Sufficit in nonam nitidis octava palæstris,
Imperat exstructos frangere nona toros и т. д.

[с.106] когда он будет декламировать стихи? Ты уже стоишь и разом протягиваешь обе руки к устам. И так, что же делать бедняку, которому нет возможности быть клиентом. Ваша пурпурная одежда пустила по-миру наши простые тоги».

В стихе 127-ом той-же первой сатиры Ювенал говорит о том, как римляне проводили свой день: «Ipse dies pulchro distinguitur ordine rerum: sportula, deinde forum jurisque peritus Apollo»..... О том-же самом повествует Марциал в 8 эпигр. IV книги [1]: «Первый и второй час проходят в утренних приветствиях; третий мучит хриплых (от болтовни) адвокатов и то пятого часа (суетливый) Рим протягивает всевозможные занятия, шестой служит отдохновением для усталых, а седьмой – всему конец, восьмой и девятый поглощают гимнастические упражнения, девятый усаживает за обеденный стол, а десятый принадлежит моим стихотворениям, Эвфем». Таких мест у сатирика и эпиграмматиста можно найти немало, что несомненно доказывает близость между сатирою и эпиграммою. Хотя в нашу задачу не входит проводить параллель между этими двумя представителями поэтического творчества эпохи Домициана, но, как мы полагаем, не будет неуместным указать две или три существенные черты этого различия. Во-первых, Ювенал отличается несравненно большею объективностью, так-что его собственная личность в его сатирах представляется весьма неопределённо, -- выносишь только твёрдую уверенность, что поэт по уровню нравственного

[1] Prima salutantes atque altera conterit hora,
Exercet raucos tartia causidicos:
In quintam varios extendit Roma labores,
Sexta quies lassis, septima finis erit:
Sufficit in nonam nitidis octava palaestriis,
Imperat exstructos frangere nona toros и т.д.



— 107 —

ственнаго развитія стоялъ неизмѣримо выше того общества, пороки котораго онъ бичуетъ: негодованіе, раздраженіе, желчь и горечь — лучшія тому доказательства. Но эти данныя слишкомъ недостаточны для характеристики личности поэта. Совсѣмъ другое дѣло — Марціалъ; онъ весь сказался въ своихъ эпиграммахъ: на основаніи его произведеній мы можемъ вполнѣ отчетливо представить себѣ симпатичный, но безалаберный и неустойчивый въ нравственномъ отношеніи образъ эпиграмматиста. Пользуемся случаемъ прибавить нѣсколько штриховъ къ характеристикѣ поэта. Прежде всего, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться, Марціалъ — человѣкъ поверхностный и неуглубляющійся въ суть вещей; этимъ отсутствіемъ глубины и основательности объясняются многіе его недостатки. Во-первыхъ, онъ тщеславенъ и хвастливъ[1]. Тщеславіе поэта прорывается постоянно большею частью, подъ личиной скромности, согласно обычаямъ поэтовъ. Иногда самовосхваленіе Марціала имѣетъ весьма наивный характеръ; напримѣръ, въ обращеніи къ поэту, который въ своихъ бездарныхъ стихотвореніяхъ вставлялъ цѣлыя цитаты изъ его эпиграммъ, Марціалъ говоритъ: «отчего ты стараешься найдти сходство между лисицами и львами, между орлами и совами»[2]. Фидентинъ[3], ремесло котораго состояло въ литературной кражѣ[4], выдавалъ самымъ безстыднымъ образомъ эпиграммы Марціала за свои собственныя и сбывалъ ихъ; чтобы его воровство не было обнаружено тотчасъ, онъ встав-

[1] Очень много можно насчитать эпиграммъ, гдѣ Марціалъ безъ церемоніи приписываетъ себѣ славу первостепеннаго писателя: I, 1; III, 95; V, 13; VI, 61, 64; VI, 82; VII, 17, 10, 88, 97; VIII, 3; IX, 98; X, 2; XI, 24; XII, 3, 11, 8.

[2] 100 эп. X кн.

[3] 53 эп. I кн.

[4] Марціалъ нерѣдко жалуется на нахальныя заимствованія изъ его эпиграммъ: I, 29, 38, 52, 66, 72, 113. VI, 51. XI, 94.

[с.107] развития неизмеримо выше того общества, пороки которого он бичует: негодование, раздражение, жёлчь и горечь – лучшие тому доказательства. Но эти данные слишком недостаточности для характеристики личности поэта. Совсем другое дело – Марциал; он весь сказался в своих эпиграммах: на основании его произведений мы можем вполне отчётливо представить себе симпатичный, но безалаберный и неустойчивый в нравственном отношении образ эпиграмматиста. Пользуемся случаем прибавить несколько штрихов к характеристике поэта. Прежде всего, как мы уже имели случай убедиться, Марциал – человек поверхностный и неуглубляющийся в суть вещей; этим отсутствием глубины и основательности объясняются многие его недостатки. Во-первых, он тщеславен и хвастлив [1]. Тщеславие поэта прорывается постоянно большею частью, под личиной скромности, согласно обычаям поэтов. Иногда самовосхваление Марциала имеет весьма наивный характер; например, в обращении к поэту, который в своих бездарных стихотворениях вставлял целые цитаты их его эпиграмм, Марциал говорит: «отчего ты стараешься найти сходство между лисицами и львами, между орлами и совами»[2]. Фидентин [3], ремесло которого состояло в литературной краже[4], выдавал самым бесстыдным образом эпиграммы Марциала за свои собственные и сбывал их; что-бы его воровство не было обнаружено тотчас, он вставлял

[1] Очень много можно насчитать эпиграмм, где Марциал без церемоний приписывает себе славу первостепенного писателя: I, 1; III, 95; V, 13; VI, 61, 64; VI, 82: VII, 17, 10, 88, 97; VIII, 3; IX, 98; X, 24: XII, 3, 11, 8.

[2] 100 эп. X кн.

[3] 53 эп. I кн.

[4] Марциал нередко жалуется на нахальные заимствования из его эпиграмм: I, 29, 38, 52, 66, 72, 113; VI, 51; XI, 94.

лялъ собственныя строки въ эпиграммы Марціала: «Это вызывало со стороны Марціала сравненіе, по которому эта строчка среди его стиховъ была какъ воронъ среди лебедей, какъ сорока среди соловьевъ, какъ чугунный горшокъ среди хрустальныхъ вазъ». Вообще Марціалъ, нисколько не стѣсняясь, ставитъ себя выше тѣхъ эпическихъ поэтовъ, которыми восхищаются, но которыхъ не читаютъ. «Нѣтъ Виргилія, говоритъ онъ»[1], если нѣтъ Мецената; Виргилій садился за столъ своего патрона, наливалъ бѣлою рукой пѣнящееся фалернское, подносилъ къ розовымъ губамъ нектаръ, который былъ бы въ состояніи разбудить Юпитера. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ позналъ пиры Мецената, онъ позабылъ и о своей толстой Галатеѣ, о смуглой щечкѣ Тестилисъ, и онъ, который еще недавно примѣнялъ свой талантъ къ воспѣванію комара, вдругъ избираетъ сюжетомъ Италію и воспѣваетъ войны и героевъ. Пусть же будутъ Меценаты, восклицаетъ поэтъ, то и не будетъ недостатка въ Виргиліяхъ». Не вытекаетъ ли отсюда прямое слѣдствіе, что Марціалу только и недоставало Мецената, чтобы сдѣлаться Виргиліемъ. Въ другихъ эпиграммахъ поэтъ выражаетъ полную увѣренность, что его эпиграммы доставятъ ему безсмертіе. Такова третья эпиграмма VIII книги[2]: «Довольно было пяти книгъ, говоритъ онъ, потому что шесть или семь книгъ — излишекъ: Муза, стоитъ ли еще забавляться? Нужно знать честь и мѣру: слава ничего болѣе не можетъ намъ прибавить: наша книжка трется повсюду. И когда каменныя сооруженія Мессалы

[1] 56 эп. VIII кн.

[2] «Quinque satis fuerant: nam sex septemve libelli
Est nimium: quid adhuc ludere, Musa, juvat?
Sit pudor et finis: jam plus nihil addere nobis
Fama potest: teritur noster ubique liber_и т. д.

[с.108] собственные строки в эпиграммы Марциала: «Это вызывало со стороны Марциала сравнение, по которому эта строчка среди его стихов была как ворон среди лебедей, как сорока среди соловьёв, как чугунный горшок среди хрустальных ваз». Вообще Марциал, нисколько не стесняясь, ставит себя выше тех эпических поэтов, которыми восхищаются, но которых не читают. «Нет Виргилия, говорит он» [1], если нет Мецената; Виргилий садился за стол своего патрона, наливал белою рукой пенящееся фалернское, подносил к розовым губам нектар, который был бы в состоянии разбудить Юпитера. С тех пор, как он познал пиры Мецената, он позабыл и о своей толстой Галатее, о смуглой щёчке Тестилис, и он, который ещё недавно применял свой талант к воспеванию комара, вдруг избирает сюжетом Италию и воспевает войны и героев. Пусть же будут Меценаты, восклицает поэт, то и не будет недостатка в Виргилиях». Не вытекает ли отсюда прямое следствие, что Марциалу только и недоставало Мецената, чтобы сделаться Виргилием. В других эпиграммах поэт выражает полную уверенность, что его эпиграммы доставят ему бессмертие. Такова третья эпиграмма VIII книги [2] . «Довольно было пяти книг, говорит он, потому что шесть или семь книг – излишек: Муза, стоит ли ещё забавляться? Нужно знать честь и меру: слава ничего более не может нам прибавить: наша книжка трётся повсюду. И когда каменные сооружения Мессалы

[1] 56 эп. VIII кн.

[2] «Quinque satis fuerant: nam sex septemve libelli
Est nimium: quid adhuc ludere, Musa, juvat?
Sit pudor et finis: jam plus nihil addere nobis
Fama potest: teritur noster ubique liber и т.д.

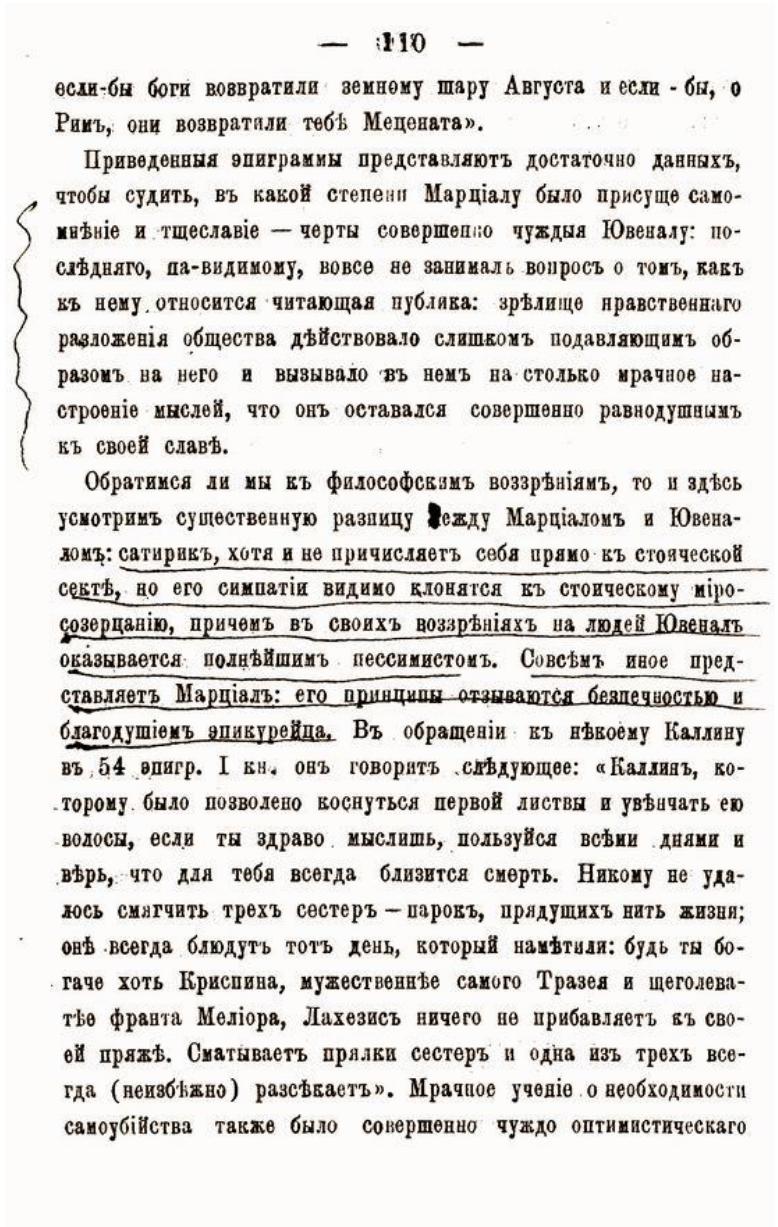
Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010

отъ времени развалятся, когда высоко поднимающіеся мраморы Лицинія обратятся въ прахъ, меня будутъ читать повсюду и многочисленные чужестранцы распространятъ наши стихи въ своихъ родныхъ земляхъ. Я уже собирался оставить писать, какъ вдругъ девятая изъ сестеръ, облеченная въ трауръ съ умащенными волосами, сказала: «неблагодарный, неужели ты можешь оставить твои милыя шутки? Скажи мнѣ, чѣмъ же ты предпочитаешь заниматься на-досугѣ? Нѣтъ ли у тебя намѣренія приняться за писаніе трагедій, или гремѣть о войнахъ героическимъ размѣромъ, чтобы напыщенный наставникъ хриплымъ голосомъ читалъ тебя и чтобы тебя возненавидѣло подростающее поколѣніе (подростающая дѣвочка и мальчикъ). Пусть въ этихъ родахъ поэзіи изощряются люди серьезные и важные, которымъ горемычнымъ свѣтитъ въ-полночь лампа. Ты же забавляй римлянъ веселыми шутками, приправляй свои стихи забавными остротами и пусть дѣйствительная жизнь увидитъ себя (какъ въ зеркалѣ), причемъ хотя и покажется, что ты наигрываешь на флейтѣ, однако твоя свирѣль заглушитъ трубы многихъ». Ту-же почти мысль высказываетъ Марціалъ и въ 3 эпиграммѣ XI кн.[1]: «Моя муза не только услаждаетъ досугъ жителей города и мы не предназначаемъ нашихъ стиховъ только для доставленія пищи праздному слуху. Не даромъ мою книжку читаетъ и суровый центуріонъ въ гетскихъ горахъ у знаменъ марсовыхъ и самъ Британникъ, какъ поговариваютъ, твердитъ наши стихи. А какіе безсмертные стихи могли бы мы сочинять,

[1] Non urbana mea tantum Pimpleïde gaudent
Otia, nec vacuis auribus ista damus,
Sed meus in Geticis ad Martia signa pruinis
A rigido teritur centurione liber и т. д.

[с.109] от времени развалятся, когда высоко поднимающиеся мраморы Лициния обратятся в прах, меня будут читать повсюду и многочисленные чужестранцы распространят наши стихи в своих родных землях. Я уже собирался оставить писать, как вдруг девятая из сестёр, облечённая в траур с умащёнными волосами, сказала: «неблагодарный, неужели ты можешь оставить твои милые шутки? Скажи мне, чем же ты предпочитаешь заниматься на-досуге? Нет ли у тебя намерения приняться за писание трагедий, или греметь о войнах героическим размером, чтобы напыщенный наставник хриплым голосом читал тебя и чтобы тебя возненавидело подрастающее поколение (подрастающая девочка и мальчик). Пусть в этих родах поэзии изощряются люди серьёзные и важные, которым горемычным светит в-полночь лампа. Ты же забавляй римлян весёлыми шутками, приправляй свои стихи забавными остротами и пусть действительная жизнь увидит себя (как в зеркале), причём хотя и покажется, что ты наигрываешь на флейте, однако твоя свирель заглушит трубы многих». Ту-же почти мысль высказывает Марциал и в 3 эпиграмме XI кн. [1]: « Моя муза не только услаждает досуг жителей города и мы не предназначаем наших стихов только для доставления пищи праздному слуху. Не даром мою книжку читает и суровый центурион в гетских горах у знамён марсовых и сам Британник, как поговаривают, твердит наши стихи. А какие бессмертные стихи могли бы мы сочинять,

[1] Non urbana mea tantum Pimpleide gaudent
Otia, nec vacuis auribus ista damus,
Sed meus in Geticis ad Martia signa pruinis
A rigido teritur centurione liber и т.д.



— 110 —

если-бы боги возвратили земному шару Августа и если-бы, о Римъ, они возвратили тебѣ Мецената».

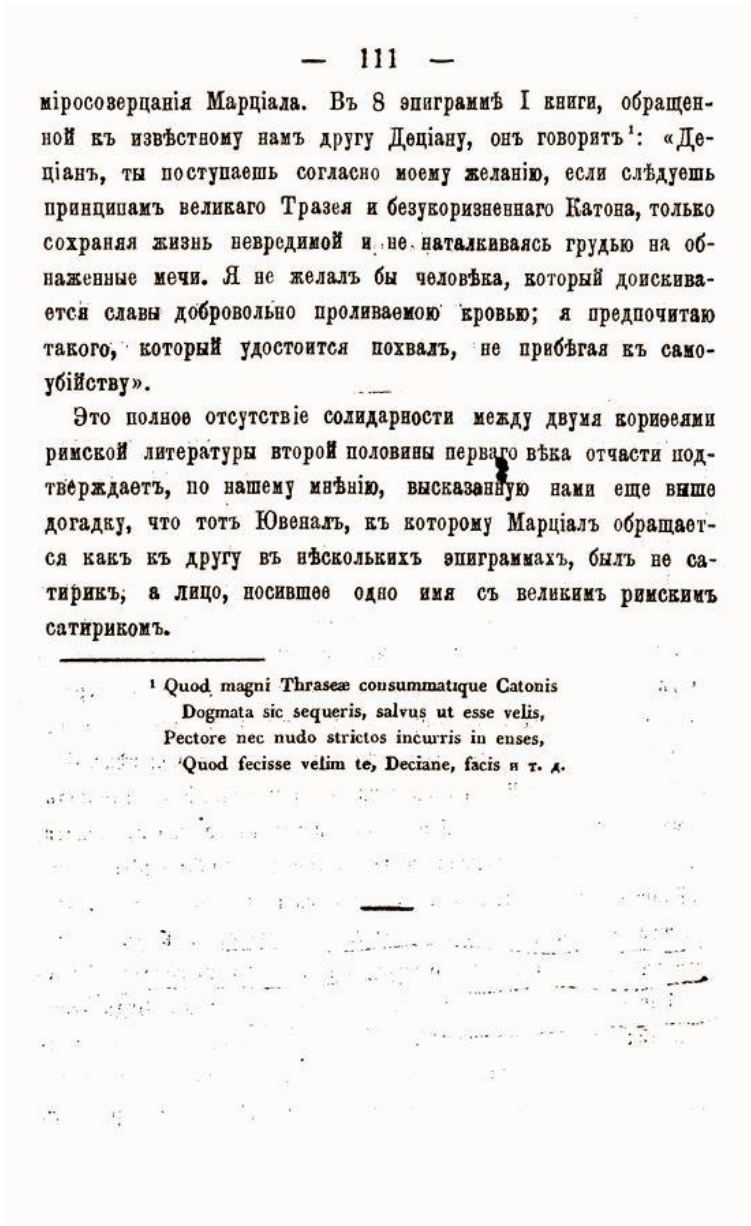
Приведенныя эпиграммы представляютъ достаточно данныхъ, чтобы судить, въ какой степени Марціалу было присуще самомнѣніе и тщеславіе — черты совершенно чуждыя Ювеналу: послѣдняго, по-видимому, вовсе не занималъ вопросъ о томъ, какъ къ нему относится читающая публика: зрѣлище нравственнаго разложенія общества дѣйствовало слишкомъ подавляющимъ образомъ на него и вызывало въ немъ на столько мрачное настроеніе мыслей, что онъ оставался совершенно равнодушнымъ къ своей славѣ.

Обратимся ли мы къ философскимъ воззрѣніямъ, то и здѣсь усмотримъ существенную разницу между Марціаломъ и Ювеналомъ: сатирикъ, хотя и не причисляетъ себя прямо къ стоической сектѣ, но его симпатіи видимо клонятся къ стоическому міросозерцанію, причемъ въ своихъ воззрѣніяхъ на людей Ювеналъ оказывается полнѣйшимъ пессимистомъ. Совсѣмъ иное представляетъ Марціалъ: его принципы отзываются безпечностью и благодушіемъ эпикурейца. Въ обращеніи къ нѣкоему Каллину въ 54 эпигр. I кн. онъ говоритъ слѣдующее: «Каллинъ, которому было позволено коснуться первой листвы и увѣнчать ею волосы, если ты здраво мыслишь, пользуйся всѣми днями и вѣрь, что для тебя всегда близится смерть. Никому не удалось смягчить трехъ сестеръ — парокъ, прядущихъ нить жизни; онѣ всегда блюдутъ тотъ день, который наметили: будь ты богаче хоть Криспина, мужественнѣе самого Тразея и щеголеватѣе франта Меліора, Лахезисъ ничего не прибавляетъ къ своей пряжѣ. Сматываетъ прялки сестеръ и одна изъ трехъ всегда (неизбѣжно) разсѣкаетъ». Мрачное ученіе о необходимости самоубійства также было совершенно чуждо оптимистическаго

[с.110] если-бы боги возвратили земному шару Августа и если-бы, о Рим, они возвратили тебе Мецената».

Приведенные эпиграммы представляют достаточно данных, чтобы судить, в какой степени Марциалу было присуще самомнение и тщеславие – черты, совершенно чуждые Ювеналу: последнего, по-видимому, вовсе не занимал вопрос о том, как к нему относится читающая публика: зрелище нравственного разложения общества действовало слишком подавляющим образом на него и вызывало в нём на-столько мрачное настроение мыслей, что он оставался совершенно равнодушным к своей славе.

Обратимся ли мы к философским воззрениям, то и здесь усмотрим существенную разницу между Марциалом и Ювеналом: сатирик, хотя и не причисляет себя прямо к стоической секте, но его симпатии видимо клонятся к стоическому миросозерцанию, причём в своих воззрениях на людей Ювенал оказывается полнейшим пессимистом. Совсем иное представляет Марциал: его принципы отзываются беспечностью и благодушием эпикурейца. В обращении к некоему Каллину в 54 эпигр. I кн. он говорит следующее: «Каллин, которому было позволено коснуться первой листвы и увенчать ею волосы, если ты здраво мыслишь, пользуйся всеми днями и верь, что для тебя всегда близится смерть. Никому не удалось смягчить трёх сестёр – парок, прядущих нить жизни; они всегда блюдут тот день, который наметили: будь ты богаче хоть Криспина, мужественнее самого Тразея и щеголеватее франта Мелиора, Лахезис ничего не прибавляет к своей пряже. Сматывает прялки сестёр и одна из трёх всегда (неизбежно) рассекает». Мрачное учение о необходимости самоубийства также было совершенно чуждо оптимистического



— 111 —

міросозерцанія Марціала. Въ 8 эпиграммѣ I книги, обращенной къ извѣстному намъ другу Деціану, онъ говоритъ[1]: «Деціанъ, ты поступаешь согласно моему желанію, если слѣдуешь принципамъ великаго Тразея и безукоризненнаго Катона, только сохраняя жизнь невредимой и не наталкиваясь грудью на обнаженные мечи. Я не желалъ бы человѣка, который доискивается славы добровольно проливаемою кровью; я предпочитаю такого, который удостоится похвалъ, не прибѣгая къ самоубійству».

Это полное отсутствіе солидарности между двумя корифеями римской литературы второй половины перваго вѣка отчасти подтверждаетъ, по нашему мнѣнію, высказанную нами еще выше догадку, что тотъ Ювеналъ, къ которому Марціалъ обращается какъ къ другу въ нѣсколькихъ эпиграммахъ, былъ не сатирикъ, а лицо, носившее одно имя съ великимъ римскимъ сатирикомъ.

[1] Quod magni Thraseæ consummatique Catonis
Dogmata sic sequeris, salvus ut esse velis,
Pectore nec nudo strictos incurris in enses,
Quod fecisse velim te, Deciane, facis и т. д.

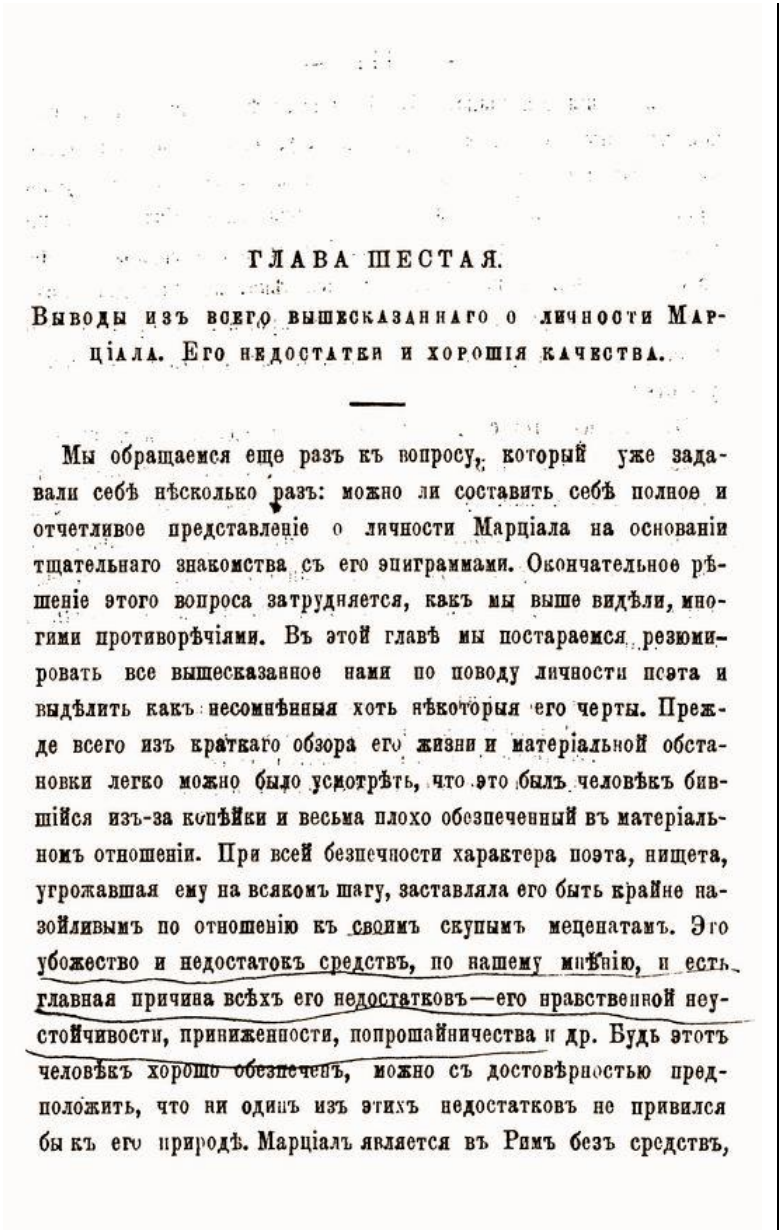
[с.111] миросозерцания Марциала. В 8 эпиграмме I книги, обращённой к известному нам другу Дециану, он говорит [1]: «Дециан, по поступаешь согласно моему желанию, если следуешь принципам великого Тразеи и безукоризненного Катона, только сохраняя жизнь невредимой и не наталкиваясь грудью на обнажённые мечи. Я не желал бы человека, который доискивается славы добровольно проливаемою кровью; я предпочитаю такого, который удостоится похвал, не прибегая к самоубийству».

Это полное отсутствие солидарности между двумя корифеями римской литературы второй половины первого века отчасти подтверждает, по нашему мнению, высказанную нами ещё выше догадку, что тот Ювенал, к которому Марциал обращается как к другу в нескольких эпиграммах, был не сатирик, а лицо, носившее одно имя с великим римским сатириком.

[Конец Главы Пятой]

[1] Quod magni Thraseae consummatique Catonis
Dogmata sic sequeris, salvus ut esse velis,
Pectore nec nudo strictos incurris in enses,
Quod fecisse velim te, Deciane, facis и т.д.

Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010



ГЛАВА ШЕСТАЯ.

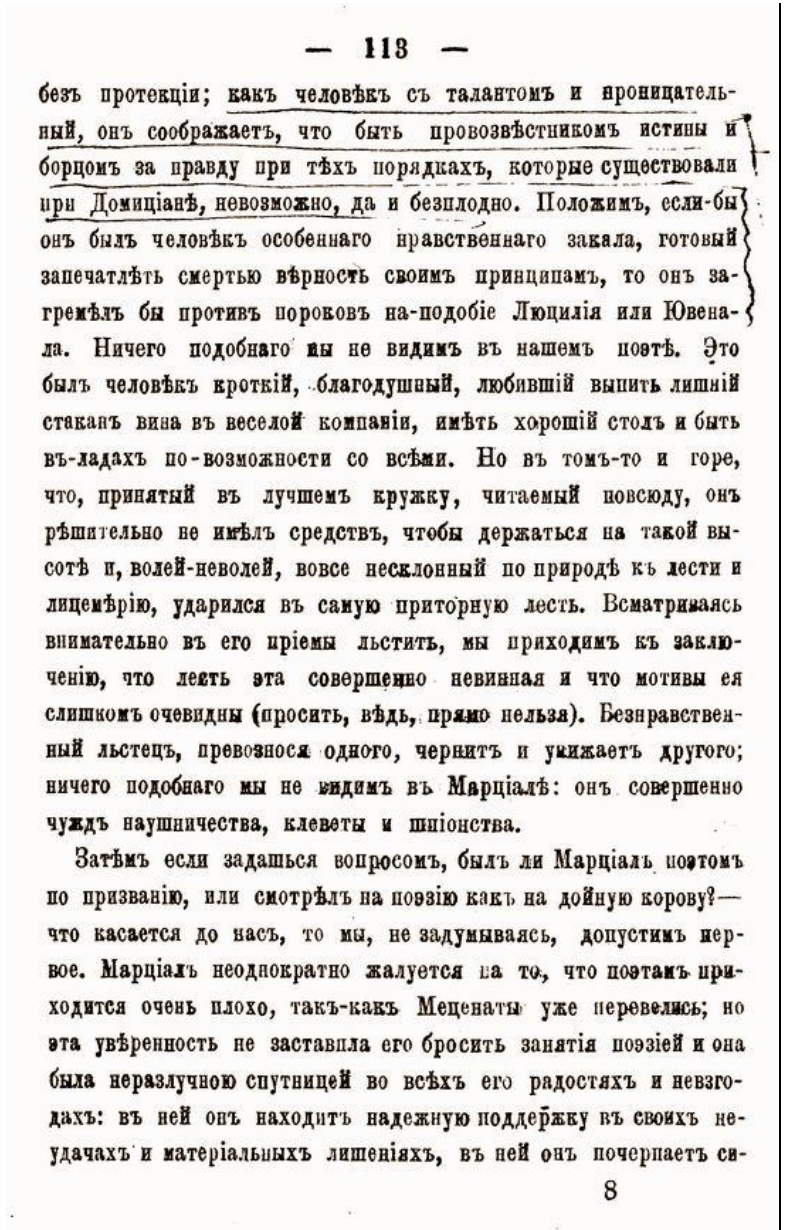
Выводы изъ всего вышесказаннаго о личности Марціала. Его недостатки и хорошія качества.

Мы обращаемся еще разъ къ вопросу, который уже задавали себѣ нѣсколько разъ: можно ли составить себѣ полное и отчетливое представленіе о личности Марціала на основаніи тщательнаго знакомства съ его эпиграммами. Окончательное рѣшеніе этого вопроса затрудняется, какъ мы выше видѣли, многими противорѣчіями. Въ этой главѣ мы постараемся резюмировать все вышесказанное нами по поводу личности поэта и выдѣлить какъ несомнѣнныя хоть нѣкоторыя его черты. Прежде всего изъ краткаго обзора его жизни и матеріальной обстановки легко можно было усмотрѣть, что это былъ человѣкъ бившійся изъ-за копѣйки и весьма плохо обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи. При всей безпечности характера поэта, нищета, угрожавшая ему на всякомъ шагу, заставляла его быть крайне назойливымъ по отношенію къ своимъ скупымъ меценатамъ. Это убожество и недостатокъ средствъ, по нашему мнѣнію, и есть главная причина всѣхъ его недостатковъ—его нравственной неустойчивости, приниженности, попрошайничества и др. Будь этотъ человѣкъ хорошо обезпеченъ, можно съ достовѣрностью предположить, что ни одинъ изъ этихъ недостатковъ не привился бы къ его природѣ. Марціалъ является въ Римъ безъ средствъ,

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Выводы из всего вышесказанного о личности Марциала. Его недостатки и хорошие качества.

Мы обращаемся ещё раз к вопросу, который уже задавали себе несколько раз: можно ли составить себе полное и отчётливое представление о личности Марциала на основании тщательного знакомства с его эпиграммами. Окончательное решение этого вопроса затрудняется, как мы выше видели, многими противоречиями. В этой главе мы постараемся резюмировать всё вышесказанное нами по поводу личности поэта и выделить как несомненные хоть некоторые его черты. Прежде всего из краткого обзора его жизни и материальной обстановки легко можно было усмотреть, что это был человек бившийся из-за копейки и весьма плохо обеспеченный в материальном отношении. При всей беспечности характера поэта, нищета, угрожавшая ему на всяком шагу, заставляла его быть крайне назойливым по отношению к своим скупым меценатам. Это убожество и недостаток средств, по нашему мнению, и есть главная причина всех его недостатков – его нравственной неустойчивости, приниженности, попрошайничества и др. Будь этот человек хорошо обеспечен, можно с достоверностью предположить, что ни один из этих недостатков не привился бы к его природе. Марциал является в Рим без средств,



безъ протекціи; какъ человѣкъ съ талантомъ и проницательный, онъ соображаетъ, что быть провозвѣстникомъ истины и борцомъ за правду при тѣхъ порядкахъ, которые существовали при Домиціанѣ, невозможно, да и безплодно. Положимъ, если-бы онъ былъ человѣкъ особеннаго нравственнаго закала, готовый запечатлѣть смертью вѣрность своимъ принципамъ, то онъ загремѣлъ бы противъ пороковъ на-подобіе Люцилія или Ювенала. Ничего подобнаго мы не видимъ въ нашемъ поэтѣ. Это былъ человѣкъ кроткій, благодушный, любившій выпить лишній стаканъ вина въ веселой компаніи, имѣть хорошій столъ и быть въ-ладахъ по-возможности со всѣми. Но въ томъ-то и горе, что, принятый въ лучшемъ кружку, читаемый повсюду, онъ рѣшительно не имѣлъ средствъ, чтобы держаться на такой высотѣ и, волей-неволей, вовсе несклонный по природѣ къ лести и лицемѣрію, ударился въ самую приторную лесть. Всматриваясь внимательно въ его пріемы льстить, мы приходимъ къ заключенію, что лесть эта совершенно невинная и что мотивы ея слишкомъ очевидны (просить, вѣдь, прямо нельзя). Безнравственный льстецъ, превознося одного, чернитъ и унижаетъ другого; ничего подобнаго мы не видимъ въ Марціалѣ: онъ совершенно чуждъ паушничества, клеветы и шпіонства.

Затѣмъ если задашься вопросомъ, былъ ли Марціалъ поэтомъ по призванію, или смотрѣлъ на поэзію какъ на дойную корову?— что касается до насъ, то мы, не задумываясь, допустимъ первое. Марціалъ неоднократно жалуется на то, что поэтамъ приходится очень плохо, такъ-какъ Меценаты уже перевелись; но эта увѣренность не заставила его бросить занятія поэзіей и она была неразлучною спутницей во всѣхъ его радостяхъ и невзгодахъ: въ ней онъ находитъ надежную поддержку въ своихъ неудачахъ и матеріальныхъ лишеніяхъ, въ ней онъ почерпаетъ си-

[с.113] без протекции; как человек с талантом и проницательный, он соображает, что быть провозвестником истины и борцом за правду при тех порядках, которые существовали при Домициане, невозможно, да и безплодно. Положим, если-бы он был человек особенного нравственного закала, готовый запечатлеть смертью верность своим принципам, то он загремел бы против пороков на-подобие Люцилия или Ювенала. Ничего подобного мы не видим в нашем поэте. Это был человек кроткий, благодушный, любивший выпить лишний стакан вина в весёлой компании, иметь хороший стол и быть в-ладах по-возможности со всеми. Но в том-то и горе, что, принятый в лучшем кружку, читаемый повсюду, он решительно не имел средств, чтобы держаться на такой высоте и, волей-неволей, вовсе несклонный по природе к лести и лицемерию, ударился в самую приторную лесть. Всматриваясь внимательно в его приёмы льстить, мы приходим к заключению, что лесть эта совершенно невинная и что мотиве её слишком очевидны (просить, ведь, прямо нельзя). Безнравственный льстец, превознося одного, чернит и унижает другого; ничего подобного мы не видим в Марциале: он совершенно чужд заушничества, клеветы и шпионства.

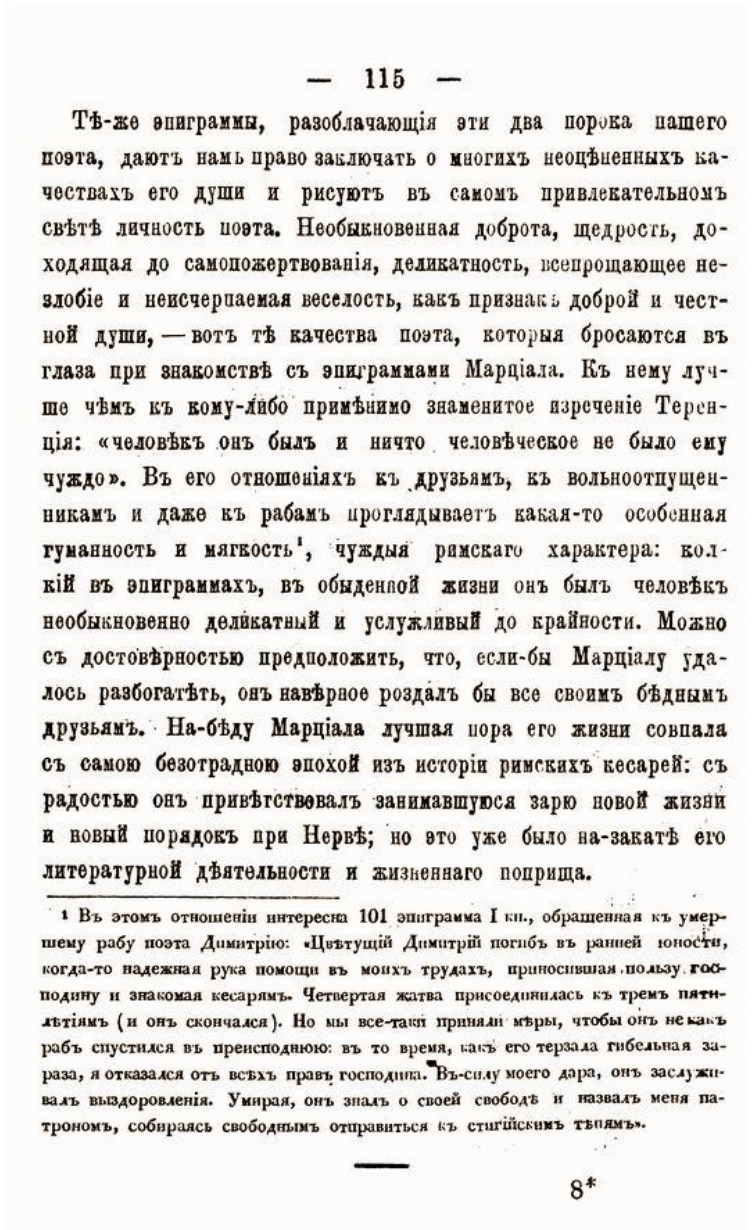
Затем если задаться вопросом, был ли Марциал поэтом по призванию, или смотрел на поэзию как на дойную корову? – что касается до нас, то мы, не задумываясь, допустим первое. Марциал неоднократно жалуется на то, что поэтам приходится очень плохо, так-как Меценаты уже перевелись; но эта уверенность не заставила его бросить занятия поэзией и она была неразлучною спутницей во всех его радостях и невзгодах: в ней он находит надёжную поддержку в своих неудачах и материальных лишениях, в ней он почерпает силы

лы для дальнѣйшей борьбы съ нуждой, врагами и завистниками. Это былъ своего рода Беранже древняго міра; какъ для послѣдняго пѣсня, такъ для перваго — эпиграмма была самою дорогою подругой, которой онъ единственной повѣрялъ всѣ свои завѣтныя думы и намѣренія. Что касается до наклонности къ скабрезнымъ сюжетамъ, то мы, обсудивши этотъ вопросъ довольно обстоятельно, не считаемъ себя въ-правѣ оправдывать эпиграмматиста духомъ времени и людей и должны будемъ признать Марціала за человѣка, наклоннаго къ чувственнымъ наслажденіямъ, хотя, конечно, не въ такой степени, какъ это можно судить по его эпиграммамъ, гдѣ онъ часто, говоря въ первомъ лицѣ, вовсе не себя имѣетъ въ виду. Обстоятельствомъ, смягчающимъ вину Марціала, является его чистосердечность и откровенность: имѣя этотъ порокъ, онъ не лицемѣритъ и не старается представить себя лучше, чѣмъ онъ есть, вооружаясь постоянно противъ стоической нетерпимости. Его частыя попытки оправдать себя въ безцеремонномъ цинизмѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ эпиграммъ даютъ право судить, что и въ общественномъ мнѣніи поэтъ не стоялъ особенно высоко: въ-особенности возмущались имъ моралисты, опасавшіеся тлетворнаго вліянія его эпиграммъ на подростающую молодежь. И такъ, приторная лесть Домиціану и наклонность къ неприличному — вотъ два пятна на репутаціи Марціала какъ человѣка.

Отдавая дань своему времени, да вдобавокъ будучи южнаго происхожденія, Марціалъ, конечно, въ Римѣ велъ жизнь не особенно воздержную; но во всякомъ случаѣ этотъ порокъ никогда въ немъ не достигалъ такихъ размѣровъ, чтобы чувственныя наслажденія были цѣлью его жизни. Это былъ эпикуреецъ и bon-vivant, для котораго чувственныя удовольствія имѣли такое-же значеніе какъ вкусный, утонченный обѣдъ.

[с.114] для дальнейшей борьбы с нуждой, врагами и завистниками. Это был своего рода Беранже древнего мира; как для последнего песня, так для первого – эпиграмма была самою дорогою подругой, которой он единственной поверял все свои заветные думы и намерения. Что касается до наклонности к скабрезным сюжетам, то мы, обсудивши этот вопрос довольно обстоятельно, не считаем себя вправе оправдывать эпиграмматиста духом времени и людей и должны будем признать Марциала за человека, наклонного к чувственным наслаждениям, хотя, конечно, не в такой степени, как это можно судить по его эпиграммам, где он часто, говоря в первом лице, вовсе не себя имеет в виду. Обстоятельством, смягчающим вину Марциала, является его чистосердечность и откровенность: имея этот порок, он не лицемерит и не старается представить себя лучше, чем он есть, вооружаясь постоянно против стоической нетерпимости. Его частые попытки оправдать себя в бесцеремонном цинизме некоторых из своих эпиграмм дают право судить, что в общественном мнении поэт не стоял особенно высоко: в-особенности возмущались им моралисты, опасавшиеся тлетворного влияния его эпиграмм на подростающую молодёжь. И так, приторная лесть Домициану и наклонность к неприличному – вот два пятна на репутации Марциала как человека.

Отдавая дань своему времени, да вдобавок будучи южного происхождения, Марциал, конечно, в Риме вёл жизнь не особенно воздержную; но во всяком случае этот порок никогда в нём не достигал таких размеров, чтобы чувственные наслаждения были целью его жизни. Это был эпикуреец и bon-vivant, для которого чувственные удовольствии имели такое-же значение, как вкусный, утончённый обед.



— 115 —

Тѣ-же эпиграммы, разоблачающія эти два порока нашего поэта, даютъ намъ право заключать о многихъ неоцѣненныхъ качествахъ его души и рисуютъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ личность поэта. Необыкновенная доброта, щедрость, доходящая до самопожертвованія, деликатность, всепрощающее незлобіе и неисчерпаемая веселость, какъ признакъ доброй и честной души, — вотъ тѣ качества поэта, которыя бросаются въ глаза при знакомствѣ съ эпиграммами Марціала. Къ нему лучше чѣмъ къ кому-либо примѣнимо знаменитое изреченіе Теренція: «человѣкъ онъ былъ и ничто человѣческое не было ему чуждо». Въ его отношеніяхъ къ друзьямъ, къ вольноотпущенникамъ и даже къ рабамъ проглядываетъ какая-то особенная гуманность и мягкость[1], чуждыя римскаго характера: колкій въ эпиграммахъ, въ обыденной жизни онъ былъ человѣкъ необыкновенно деликатный и услужливый до крайности. Можно съ достовѣрностью предположить, что, если-бы Марціалу удалось разбогатѣть, онъ навѣрное роздалъ бы все своимъ бѣднымъ друзьямъ. На-бѣду Марціала лучшая пора его жизни совпала съ самою безотрадною эпохой изъ исторіи римскихъ кесарей: съ радостью онъ привѣтствовалъ занимавшуюся зарю новой жизни и новый порядокъ при Нервѣ; но это уже было на-закатѣ его литературной дѣятельности и жизненнаго поприща.

[1] Въ этомъ отношеніи интересна 101 эпиграмма I кн., обращенная къ умершему рабу поэта Димитрію: «Цвѣтущій Димитрій погибъ въ ранней юности, когда-то надежная рука помощи въ моихъ трудахъ, приносившая пользу господину и знакомая кесарямъ. Четвертая жатва присоединилась къ тремъ пятилѣтіямъ (и онъ скончался). Но мы все-таки приняли мѣры, чтобы онъ не какъ рабъ спустился въ преисподнюю: въ то время, какъ его терзала гибельная зараза, я отказался отъ всѣхъ правъ господина. Въ-силу моего дара, онъ заслуживалъ выздоровленія. Умирая, онъ зналъ о своей свободѣ и назвалъ меня патрономъ, собираясь свободнымъ отправиться къ стигійскимъ тѣнямъ».

[с.115]

Те-же эпиграммы, разоблачающие эти два порока нашего поэта, дают нам право заключать о многих неоценённых качествах его души и рисуют в самом привлекательном свете личность поэта. Необыкновенная доброта, щедрость, доходящая до самопожертвования, деликатность, всепрощающее незлобие и неисчерпаемая весёлость, как признак доброй и честной души, – вот те качества поэта, которые бросаются в глаза при знакомстве с эпиграммами Марциала. К нему лучше чем к кому-либо применимо знаменитое изречение Теренция «человек он был и ничто человеческое не было ему чуждо». В его отношениях к друзьям, к вольноотпущенникам и даже к рабам проглядывает какая-то особенная гуманность и мягкость[1] , чуждые римского характера: колкий в эпиграммах, в обыденной жизни он был человек необыкновенно деликатный и услужливый до крайности. Можно с достоверностью предположить, что, если-бы Марциалу удалось разбогатеть, он наверное роздал бы всё своим бедным друзьям. На-беду Марциала лучшая пора его жизни совпала с самою безотрадною эпохой из истории римских кесарей: с радостью он приветствовал занимавшуюся зарю новой жизни и новый порядок при Нерве; но это уже было на-закате его литературной деятельности и жизненного поприща.

[Конец Главы Шестой]

[1] В этом отношении интересна 101 эпиграмма I кн., обращённая к умершему рабу поэта Димитрию: «Цветущий Димитрий погиб в ранней юности, когда-то надёжная рука помощи в моих трудах, приносившая пользу господину и знакомая кесарям. Четвёртая жатва присоединилась к трём пятилетиям (и он скончался). Но мы всё-таки приняли меры, чтобы он не как раб спустился в преисподнюю: в то время, как его терзала гибельная зараза, я отказался от всех прав господина. В-силу моего дара, он заслуживал выздоровления. Умирая, он знал о своей свободе и назвал меня патроном, собираясь свободным отправиться к стигийским теням».

Проект «За Марциалом без билета» * * * * * Электронное издание © Александр Борисович Акимов, Харьков, 2010